

Равенство для устойчивого и сбалансированного роста

Создавая основу для равного роста: политика социального равенства в странах – членах БРИКС¹

М. Вандемоортеле, К. Бёрд, А. Дю Туа, М. Лью, К. Сен, Ф.В. Суарес

Вандемоортеле Мило — аспирант Лондонской школы экономики, бывший исследователь Института развития зарубежных стран (ODI) по программе «Рост, бедность и неравенство»; E-mail: M.Vandemoortele@lse.ac.uk

Бёрд Кейт — научный сотрудник Института развития зарубежных стран (ODI), бывший директор программы «Рост, бедность и неравенство» Института развития зарубежных стран; E-mail: k.bird.ra@odi.org.uk

Дю Туа Андриэс — директор Института бедности, земли и аграрных исследований (PLAAS), профессор университета Восточного Кейптауна в Кейптауне; E-mail: adutoit@plaas.org.za

Лью Минкуан — старший научный сотрудник Института Азиатского банка развития (ADB), бывший профессор и декан факультета экономики развития в университете Пекина, бывший директор-учредитель Центра по изучению экономики развития и гуманитарных проблем; E-mail: minquanliu@pku.edu.cn

Сен Кунал — профессор Института политики экономического развития управления (IDPM) университета Манчестера; E-mail: Kunal.Sen@manchester.ac.uk

Суарес Фабио Верас — координатор-исследователь Центра денежных переводов и международной политики для инклюзивного роста (IPC-IG) Бразилии; E-mail: fabio.veras@undp-povertycentre.org

Ключевые слова: рост, равенство, бедность, неравенство, БРИКС, Бразилия, Индия, Китай, Южная Африка

Key words: growth, equity, poverty, inequality, BRICS, Brazil, India, China, South Africa

Представляем Вашему вниманию перевод доклада Института развития зарубежных стран, выполненный с согласия авторов.

Пять ведущих развивающихся стран, входящих в БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), успешно развивают свои экономические системы, преодолев последствия финансового кризиса 2008–2009 гг. Страны БРИКС становятся моделями развития как для практиков, исследователей развивающихся экономик, так и для других стран с развивающимися экономиками. Однако если эконо-

¹ Перевод выполнен заместителем директора Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) НИУ ВШЭ М.Р. Рахмангуловым, м.н.с. Центра исследований глобального управления ИМОМС НИУ ВШЭ А.Г. Сахаровым, м.н.с. Центра исследований глобального управления ИМОМС НИУ ВШЭ А.В. Шелеповым, м.н.с. Центра содействия международному развитию ИМОМС НИУ ВШЭ Е.А. Сафониной, м.н.с. Центра исследований глобального управления ИМОМС НИУ ВШЭ Т.А. Ланьшиной, под ред. к.соц.н., директора Центра международных сопоставительных исследований ИМОМС НИУ ВШЭ О.В. Перфильевой.

мическую ситуацию в странах БРИКС рассматривать не поверхностно, то станет очевидно, что не все население этих стран выигрывает от экономического роста. В частности, в Китае, Индии и Южной Африке резко возросло неравенство доходов. В Бразилии произошло снижение неравенства доходов. Какие уроки мы можем извлечь, изучая вызовы и успехи в отношении регулирования роста и равенства на примерах роста в странах БРИКС? В данной статье рассматривается опыт четырех стран: Бразилии, Китая, Индии и Южной Африки. Авторы выделили четыре основных фактора, определяющих характер роста: доступность активов для населения, инвестиции в производственную деятельность, социальные выплаты и политико-экономический контекст, в котором интеграция населения в производительную деятельность является приоритетом.

Текст “Building blocks for equitable growth: lessons from the BRICS” впервые опубликован в Великобритании (Лондон) Институтом развития зарубежных стран.

© 2013 by Overseas Development Institute.

Все права защищены.

Building blocks for equitable growth: lessons from the BRICS originally published in the UK, London by Overseas Development Institute.

© 2013 by Overseas Development Institute.

All rights reserved.

Введение

Пять ведущих развивающихся стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), преодолев последствия финансового кризиса 2008–2009 гг., успешно развивают свои экономические системы. Страны БРИКС становятся моделями развития как для практиков, исследователей развивающихся экономик, так и для других стран с развивающимися экономиками. Однако если об экономической ситуации в этих странах судить не поверхностно, то станет очевидно, что не все население стран БРИКС выигрывает от экономического роста. В некоторых странах, в частности в Китае, Индии и Южной Африке, резко возросло неравенство доходов, в то время как в Бразилии наблюдалось сокращение неравенства доходов. Какие уроки мы можем извлечь, изучая вызовы и достижения в отношении регулирования роста и равенства на примерах роста в странах БРИКС? Большая часть исследований, изучающих взаимоотношения роста и равенства, посвящена межстрановому анализу или изучению конкретных кейс-стади. Анализ опыта стран БРИКС по определению баланса между ростом и равенством проводится редко. Данная работа призвана внести свой вклад в дискуссию через рассмотрение уроков, которые можно извлечь из опыта стран БРИКС, а именно Бразилии, Китая, Индии и ЮАР. Статья структурирована следующим образом: в следующем разделе обсуждается важность справедливого роста, дается определение справедливого роста и описываются инструментальные и объективные аргументы в его пользу. Далее представлены взгляды четырех экспертов на проблемы и достижения в поиске баланса между ростом и равенством в Бразилии, Китае, Индии и ЮАР. В заключительной части обсуждаются ключевые темы инклюзивного роста на примере отдельных кейс-стади:

1. Доступ к нематериальным активам, прежде всего профессиональным навыкам, позволяющим людям участвовать в экономической деятельности и получать доходы; в аграрных обществах критически важен доступ к земельным ресурсам.

2. Инвестиции в производство для создания рабочих мест и больших возможностей для населения.
3. Социальные выплаты для гарантированного обеспечения минимального дохода тем, кто не может работать или не может найти работу.
4. Политико-экономический контекст, включающий инклюзивность как приоритет.

Важность справедливого роста

Экономический рост не является самоцелью. Напротив, будучи средством достижения цели, экономический рост направлен на повышение благосостояния всех членов общества. Известно, что экономический рост может способствовать увеличению доходов и повышению уровня потребления и благосостояния, однако он не может быть в равной степени выгодным для всех социально-экономических групп. Растущее неравенство в различных странах подрывает устойчивость роста благосостояния. Распределение благ зависит от природы экономики и общества, а также от темпа и направления роста.

Что такое справедливый рост?

Давно известно, что экономический рост важен для сокращения уровня бедности; при этом уровень экономического неравенства играет в этой взаимосвязи важную роль. Показатели неравенства необходимо учитывать в связи с имеющимися свидетельствами того, что модель роста во всем мире влияет как на сокращение бедности, так и на достижение равенства. Несмотря на корреляцию экономического роста с сокращением бедности, эта связь не всегда является сильной. Например, рост доходов на душу населения на 1% может сократить бедность на 4% или менее чем на 1% в зависимости от страны и рассматриваемого периода [65]. Это указывает на то, что модель роста так же важна, как и его темп. Не всегда экономический рост способствует передаче благ бедным слоям населения в случае отсутствия доступа последних к основным рынкам, или же если доступ на рынки для них открыт на невыгодных условиях. Вигинс и Хикинс [93] выделяют следующие виды ограничений доступности рынков для бедных слоев населения:

- физический доступ: затраты на доступ к рынку ограничивают возможности некоторых людей получать преимущества от участия на рынке;
- провалы рынка, особенно в сфере финансов, земельных и трудовых отношений, означают невозможность для беднейших слоев населения получать ресурсы для инвестирования и инноваций;
- недостаток человеческого капитала, прежде всего низкий уровень базового образования и навыков, а также проблемы со здоровьем часто становятся причиной отсутствия возможности найти более оплачиваемую работу для бедных слоев населения;
- проявления неравенства — дискриминация по признаку расы и этничности, языка, религии, касты и гендера — ограничивают доступ населения к работе и общественным услугам.

Бедные слои населения также в большей степени уязвимы перед рядом угроз, которые делают слишком рискованными их занятие инновациями, специализацию и другие способы использования своих экономических возможностей [93]. Действитель-

но, шоки, испытываемые уязвимыми слоями населения, являются основной причиной бедности, лишая их активов и не давая возможности найти работу. В странах, где экономический рост несправедлив и не приносит выгоды бедным людям, общество, вероятно, будет все более неравным.

Эмпирические аргументы

Существует множество аргументов, подтверждающих важность равенства для экономического роста. Во-первых, в ряде научных работ [25, 31] была установлена зависимость между высоким уровнем преступности, в том числе тяжких преступлений, и неравенством. Так, некоторые исследования показывают, что небольшое сокращение неравенства в доходах населения оказывает существенное влияние на сокращение уровня убийств [92]. В некоторых исследованиях прослеживается аналогичная взаимосвязь между конфликтами и низким уровнем безопасности [82, 86], несмотря на противоречивость имеющихся данных [19]. Высокий уровень преступности и риски нестабильности и снижения уровня безопасности могут оказать негативное влияние на уверенность инвесторов, сокращая объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [20]. Высокий уровень неравенства также ограничивает и агрегированный спрос по стране в целом [83], что затрудняет развитие сектора промышленности, который для выживания и роста должен ориентироваться на экспортную стратегию. Это также ограничивает выбор правительством национальной стратегии роста. Высокая концентрация бедности, в отличие от наличия крепкого среднего класса, также связана с низким географическим капиталом, который, в свою очередь, приводит к низкой отдаче от рабочей силы и других видов капитала. Другими словами, неравенство пагубно влияет на бизнес.

Высокий уровень неравенства внутри страны связан с низким уровнем управления. Например, высокий уровень коррупции имеет положительную корреляцию с неравенством доходов [41], а качество управления и институтов — с неравенством [96].

Последние данные показывают, что неравенство связано с более высокими уровнями подростковой беременности, лишнего веса, насилия, заключенных в тюрьмах и различных зависимостей.

Тем не менее это влияет на благополучие не только бедных людей, но и всех членов общества, продолжительность жизни которых сокращается, а сама жизнь становится менее здоровой и счастливой [94].

Высокий уровень неравенства доходов также часто идет рука об руку с низкими инвестициями на душу населения в государственное образование и здравоохранение, а также с низким уровнем доступа к ним бедных слоев населения и других уязвимых групп, приводя к неравномерному формированию человеческого капитала. Кроме того, люди с низким уровнем человеческого капитала также в меньшей степени готовы лоббировать во властных структурах улучшение качества необходимых им услуг, что приводит к укоренению и непреодолимости такого положения вещей. Для многих стран, в которых продолжение роста означает продвижение вперед по цепочке создания добавленной стоимости, но при этом низок уровень человеческого капитала, такой вариант решения проблем вообще может быть ограничен. Таким образом, низкий уровень инвестиций в формирование человеческого капитала не только снижает благополучие бедных пользователей услуг, ограничивая продолжительность жизни и уровень образования, но и сдерживает производительность имеющихся отраслей и препятствует дальнейшему развитию и устойчивости траектории роста.

Объективные аргументы

Существует также множество объективных аргументов, подтверждающих, что равенство важно для экономического роста.

Экономисты привыкли считать, что рост неравенства происходит автоматически по мере продвижения страны по прогрессивным стадиям развития, достигает пика и затем снижается на более поздних стадиях — индустриальной и постиндустриальной. Однако, как показывают эмпирические данные, не только развитие происходит нелинейно, но и связь между ростом и неравенством плохо вписывается в кривую Кузнецца. Таким образом, неравенство не является автоматическим проявлением экономического роста и развития. Наоборот, национальное правительство может выбрать тот тип общества, который оно желает создать. Национальный общественный договор, в свою очередь, определяет степень включенности и поддержки бедных и уязвимых групп населения в социальную политику или же необходимость самостоятельно заботиться о себе. Равенство важно для становления справедливого общества, продвижение же по пути более равного и справедливого общества является благородной целью развития.

Неравенство тесно связано с такими негативными явлениями в обществе, как исключенность, дискриминация и эксплуатация. Для политики в области содействия развитию эта взаимосвязь представляет особый интерес и привлекает наибольшее внимание. Например, исключенность может приводить к снижению уровня продолжительности жизни и благосостояния; дискриминация — к сокращению доходов населения ниже среднего уровня; эксплуатация часто включает существенные нарушения прав человека. Понимание процессов, ведущих к исключенности отдельных групп населения, их дискриминации и эксплуатации на рынках или при предоставлении основных услуг, крайне важно, если правительства и другие стейкхолдеры стремятся создать условия для справедливого роста.

Однако инклюзивность как процесс не является прямолинейным. Необходимо учитывать способы использования и извлечения выгоды беднейшими и наиболее уязвимыми слоями населения от доступных им услуг и рынков. В некоторых странах и стоимостных цепочках инклюзивность сопровождается высоким уровнем бедности и неравенства, при которых население занято на невыгодных для себя условиях, не способствующих накоплению и наращиванию капитала и преодолению порога бедности. Такое население интегрировано в общественные, но асимметричные отношения, не позволяющие выражать себя свободно и в полной мере.

Процесс социального развития во всем мире доказывает значимость исторических процессов. Политические решения, принятые десятилетия назад, могут влиять на современную модель экономики. Это говорит о том, что развитие страны в значительной степени определяется заложенным ранее направлением [89, 90, 91]. Как показывает опыт достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и усилия по преодолению межпоколенческой бедности в США и развивающихся странах [10], сложно сокращать неравенство, если оно сформировано.

Опыт стран БРИКС

Индия²

Индия — одна из самых быстрорастущих экономик в мире: с 1980-х годов страна демонстрировала существенный экономический рост, достигавший в среднем более

² Кейс-стади Индии подготовил проф. К. Сен.

чем 5% в год. Он сопровождался быстрым ростом степени интеграции Индии в мировую экономику и был обусловлен главным образом повышением совокупной производительности факторов производства, а не накоплением капитала [11].

Тем не менее быстрый экономический рост не сопровождался соответствующими темпами создания рабочих мест. Эластичность занятости по выпуску – процентное увеличение численности занятых в экономике при росте валового внутреннего продукта (ВВП) на 1% – снизилась с 0,40 в 1983–1993 гг. до 0,29 в 1993–2004 гг. Рост числа занятых составлял 1,79% в год в 1993–2004 гг. против 1,99% в год в 1983–1993 гг. Падение эластичности в основном объясняется значительным ростом производительности труда с начала 1980-х годов, но может также быть следствием индийской модели экономического роста, которая не была основана на интенсивном использовании труда.

Несмотря на низкие темпы создания новых рабочих мест в экономике в 1980-х и 1990-х годах, уровень бедности в Индии устойчиво снижался начиная с конца 1970-х годов, в то время как в первые два десятилетия после обретения независимости четкая динамика этого показателя не прослеживалась. Снижение уровня бедности произошло как в сельских, так и в городских районах. Тем не менее темп снижения уровня бедности не столь высок, как можно было ожидать, учитывая высокие темпы экономического роста 1980-х и 1990-х годов [24]. В то же время наблюдается усиление неравенства в распределении доходов как в сельских, так и в городских районах, а также между регионами. Среди социально уязвимых групп населения уровень бедности все еще очень высок, что свидетельствует о низкой степени инклюзивности экономического роста в Индии.

Представляется, что тремя наиболее важными факторами, объясняющими нынешнее состояние уровня экономического равенства и экономического развития в Индии, являются: 1) осуществление институциональных реформ, стимулирующих рост; 2) отсутствие структурных преобразований; 3) сохраняющийся производственный дуализм.

Институциональные реформы, стимулирующие рост

Первым ключевым фактором, который способствовал формированию текущего уровня равенства и экономического развития Индии и, в частности, быстрому экономическому росту страны с начала 1980-х годов, является проведение в этот период институциональных реформ, направленных на стимулирование экономического роста. Институциональные преобразования привели к бурному росту частных инвестиций в оборудование на протяжении 1980-х и 1990-х годов, что стало причиной ускорения экономического роста в Индии [73, 75]. Первым важным элементом институциональных реформ стала национализация банков – масштабная передача прав собственности от частного к государственному сектору, которая привела к развитию финансовых рынков. В 1969 г. правительство, возглавляемое И. Ганди в рамках первого срока ее работы на посту премьер-министра, национализировало 14 крупнейших коммерческих банков Индии. Став объектами «общественного контроля», эти недавно национализированные банки столкнулись с требованием осуществления масштабной мобилизации финансовых ресурсов путем открытия филиалов в сельских и пригородных областях, в то время как Резервный банк Индии начал проводить строгую политику лицензирования банковских филиалов [76]. Цель указанного требования была в значительной степени реализована. Отношение банковских депозитов к национальному доходу увеличилось с 15,2% в 1969 г. до 37,9% в 1984 г., в то время как число граждан, приходящееся на один

филиал банка — мера плотности банковской сети — снизилось с 65 тыс. в 1969 г. до 15 тыс. в 1984 г.

Увеличение количества филиалов банков оказало существенное положительное влияние на частные сбережения [6]. Этот важный ресурс, накопленный в индийском банковском секторе, трансформировался в заемные средства для инвестирования фирмами и производящими домохозяйствами по двум направлениям. Первое из них — напрямую. С введением требования по кредитованию «приоритетных отраслей» и на фоне установления «социального контроля» над коммерческими банками последним пришлось предоставить большую часть средств, полученных в форме возросших депозитов, в качестве кредитов производящим домохозяйствам в промышленности и сельском хозяйстве для целей формирования как основного, так и оборотного капитала. Инвестиции домохозяйств в оборудование в 1970-х годах увеличились, в то время как сельскохозяйственная «зеленая революция» начала оказывать влияние на сельские районы северных штатов Индии, такие как Харьяна и Пенджаб. Второе направление было опосредованным. На фоне роста депозитной базы коммерческие банки начали инвестировать в облигации и необеспеченные долговые обязательства кредитных учреждений, а также государственных страховых компаний и взаимных фондов. Затем в форме займов, выдаваемых кредитными учреждениями, и инвестиций в акции и облигации корпоративного сектора со стороны государственных страховых компаний и взаимных фондов эти средства оказывались в частном секторе. Таким образом, конечным результатом национализации банков стало значительное развитие финансовой системы, в особенности начиная с середины 1970-х годов, что способствовало росту инвестиций в экономику.

Вторым элементом институциональных преобразований стало изменение «правил игры» в сфере внешней торговли в результате осуществления реформ в секторах торговли средствами производства и промежуточными товарами. К концу 1970-х годов вследствие режима жесткого протекционизма, который сложился в секторе торговли средствами производства со времени обретения независимости, и масштабного вовлечения государства в производство средств производства и промежуточных товаров стоимость продукции машиностроения в Индии была одной из самых высоких в мире. Именно высокая стоимость машин и оборудования стала одной из важнейших причин того, что инвестиции в механизацию производства в Индии в 1960-х и 1970-х годах были очень низкими по сравнению со многими другими развивающимися странами. Ослабление регулирования импорта, которое началось с введением новой экспортно-импортной политики в 1977–1978 гг., в 1980-х годах усилилось, что привело к росту доступности импортных средств производства и промежуточных товаров. Возросшее в результате этого процесса конкурентное давление на внутренний сектор производства средств производства и промежуточных товаров в значительной степени объясняет стабильное снижение цен на машины и оборудование, которое наблюдается с 1980-х годов. Падение относительных цен на эти товары, в свою очередь, стало важным фактором впечатляющего роста частных инвестиций в их покупку в 1980-х годах.

Рассмотренные институциональные реформы дополнялись ростом государственных инвестиций в основной капитал в 1980-е годы, в первую очередь в инфраструктурных отраслях: переработке и транспортировке нефти, производстве и передаче электроэнергии, железнодорожном транспорте. Реакцией частного сектора на увеличение объема имеющихся в его распоряжении средств на инвестиционные цели стал рост инвестиций. Кроме того, в начале 1980-х годов взгляды национального правительства, возглавляемого И. Ганди, в отношении частного сектора сменились с негативных на

позитивные. Неформальные институциональные изменения в форме смены отношения политической элиты Индии к национальной бизнес-элите стали дополнением к формальным институциональным изменениям. Взаимодополняемость двух типов институциональных изменений во многом позволяет объяснить ускорение экономического роста в Индии в 1980-е годы [68].

Отсутствие структурных преобразований

Вторым ключевым фактором, объясняющим текущую модель экономического развития и экономического равенства в Индии, в частности, феномен экономического роста, не сопровождающегося созданием рабочих мест, стал недостаток структурных реформ в сфере производства. Индийская модель экономического роста нетипична для других стран, в особенности имеющих большой объем предложения неквалифицированной рабочей силы. Все крупнейшие азиатские экономики, начиная с Японии, к которой затем присоединились Корея, Сингапур и Тайвань, а совсем недавно — Китай и Вьетнам, перешли от импортозамещающей к экспортно-ориентированной стратегии развития, которая поначалу сопровождалась сильным ростом в трудоемких сегментах производственного сектора. Во всех этих странах, по причине все более тесной интеграции их экономик с мировыми рынками, сильный экономический рост и структурный переход от аграрной к производственной экономике наблюдались параллельно и взаимно стимулировали друг друга. Избыточная рабочая сила была вынуждена переходить, иногда массово, из менее производительного сектора сельского хозяйства в более производительный производственный сектор. Таким образом, экономический рост на ранних стадиях был обеспечен быстрым расширением трудоемкого производства, в основном ориентированного на экспорт [34].

В Индии, где трудоемкий производственный сектор не стал двигателем экономического роста, ситуация отличалась. Рост, напротив, был обеспечен развитием наукоемких услуг наряду с некоторыми капиталоемкими сегментами производственного сектора. Хотя некоторые сегменты сектора услуг могут быть трудоемкими, в Индии его развитие шло преимущественно в тех областях, которые активно не использовали трудовые ресурсы. Рабочие места, создаваемые вне сельского хозяйства, появлялись в основном в неформальном секторе услуг (включающем, в первую очередь, торговлю, гостиничное и ресторанное дело), который отличался низкой производительностью и низким уровнем заработной платы работников. Развитие неформального сектора услуг зависит от роста других секторов, и, следовательно, он не мог стать локомотивом экономического роста Индии. В силу статуса «последователя» в отношении роста других отраслей неформальный сектор услуг ограничен в своей способности поглощать большее количество трудовых ресурсов, переходящих из сельскохозяйственного сектора, чем это было в последние годы.

Такая модель развития не являлась ни эффективной, ни справедливой в отношении доходов населения, так как не основывалась на неотъемлемом сравнительном преимуществе, которым Индия обладает в сфере трудоемкого производства с использованием неквалифицированной рабочей силы, и в результате ограничивала влияние экономического роста на сокращение бедности.

Отсутствие структурных преобразований объясняется несколькими факторами. Во-первых, характер торгового режима Индии по-прежнему благоприятствует капиталоемким отраслям производства, несмотря на реформы, которые снизили степень защиты отраслей производства средств производства и промежуточных товаров.

Таможенный тариф Индии по-прежнему остается высоким по сравнению со средним показателем по региону. Кроме того, до недавнего времени большая часть импортируемых промежуточных и потребительских товаров становилась объектом нетарифных ограничений [74]. Во-вторых, жесткое законодательство о защите занятости — одно из самых строгих в мире в отношении защиты формальной занятости — снижает стимулы к найму новых сотрудников компаниями и подталкивает последних к более активному использованию капиталоемких моделей производства. В-третьих, существуют значительные трудности в области инфраструктуры (особенно в плане доступа к электроэнергии) и другие препятствия для развития предпринимательства и малого бизнеса (например, высокая стоимость регистрации новой фирмы), сопровождаемые реализуемой долгое время политикой защиты небольших производственных единиц, которая препятствует появлению крупных игроков в трудоемких отраслях. Наконец, растущая открытость экономики способствовала повышению доступности дешевых средств производства из-за рубежа, а экономические реформы, которые усилили конкуренцию, вынудили фирмы, даже ведущие деятельность в неформальном секторе, привлекать более квалифицированную рабочую силу и повышать капиталоемкость производства с целью повышения конкурентоспособности своей продукции по сравнению с импортной.

Сохранение производственного дуализма

Третьим ключевым фактором, объясняющим существование современной модели экономического развития и равенства в стране, является сохраняющийся производственный дуализм — наличие относительно небольшого числа фирм в формальном секторе экономики, где рабочая сила в значительной степени защищена законодательством, наряду с большим количеством фирм неформального сектора, где доступ работников к социальному обеспечению, механизмам защиты занятости и другим льготам ограничен. Существуют значительные различия между фирмами в формальном и неформальном секторах, как с точки зрения производительности труда, так и в плане заработной платы работников: в 2005—2006 гг. производительность труда в формальном секторе была в 28 раз выше, а заработная плата — в 5 раз выше, чем в неформальной экономике. Более того, различия в производительности труда усиливаются с течением времени: в 1984—1985 гг. производительность труда в формальном секторе была лишь в 5 раз выше, чем в неформальном. На этом фоне доля неформального сектора производства в ВВП остается практически постоянной на протяжении 60 лет с момента обретения Индией независимости и составляет около 5%, в то время как доля формального сектора промышленности в ВВП возросла, особенно после 1980 г. Несмотря на снижение вклада в общий объем промышленного производства, неформальный сектор оставался важным источником создания рабочих мест. Доля занятых в неформальном секторе промышленности составила 83% от общего числа занятых в промышленном производстве в 1984—1995 гг. и снизилась незначительно, до 80%, к 2005—2006 гг. Сохранение дуализма в индийском промышленном производстве, а также наличие масштабного, имеющего низкую производительность (и низкий уровень заработной платы) неформального сектора в условиях значительных и быстрых экономических изменений остается важным вопросом политического характера с учетом того, что экономические реформы начала 1990-х годов, согласно имеющимся данным, могли усугубить проблему производственного дуализма в стране. Сохранение производственного

дуализма является важным фактором, способствующим относительно слабому воздействию экономического роста на снижение уровня бедности в Индии.

Ключевой вывод, к которому приводит анализ современных траекторий устойчивого политического и экономического развития, а также развития человеческого потенциала, заключается в том, что в отличие от ранее демонстрировавших уверенный рост развивающихся стран, особенно азиатских, модель экономического роста Индии нестандартна и, по мнению некоторых экспертов, ошибочна. Такая модель роста, благоприятствующая развитию наукоемких отраслей сектора услуг и капиталоемкого производства в сравнении с более трудоемкими отраслями производства, не соответствует долгосрочным интересам Индии ни с точки зрения эффективности, ни в плане обеспечения экономического равенства. Очевидно, что способность Индии поддерживать высокие темпы экономического роста и в то же время реализовывать более справедливую стратегию развития в будущем будет тесно связана с ее способностью исправить ошибки, допущенные при переходе от экономики, основанной на сельском хозяйстве, к индустриальной экономике.

Китай³

При обсуждении текущих моделей экономического роста и равенства в Китае, причин их формирования и последствий для устойчивого экономического развития и развития человеческого потенциала, прежде всего нужно рассмотреть период до проведения экономических реформ и открытия китайской экономики для внешнего мира, т. е. до 1978 г., или, как его называют в Китае, период первых 30 лет Китайской Народной Республики (КНР). Несмотря на значительные отличия между первым и вторым тридцатилетиями существования КНР с точки зрения стратегии экономического развития, политические преобразования, проводимые в течение этих периодов, взаимно дополняли друг друга. В частности, без учета институциональных реформ в первые 30 лет, особенно земельной реформы, и увеличения инвестиций в социальную сферу трудно объяснить исключительные темпы экономического роста и сопутствующие успехи Китая в области обеспечения равенства после принятия рыночной экспортно-ориентированной стратегии развития в 1978 г. Огромный масштаб китайской экономики в сравнении с остальным миром также сыграл важную роль в формировании текущей модели и траектории экономического роста и равенства.

Современная модель экономического роста и равенства

На протяжении трех последних десятилетий и немного ранее Китай демонстрировал беспрецедентные темпы экономического роста по сравнению как с собственными показателями в предыдущий период, так и с темпами роста большинства других стран, как развитых, так и развивающихся, в тот же период. Темпы роста ВВП Китая в 1978–2009 гг. в среднем значительно превосходили средние темпы роста мировой экономики, а уровень бедности населения снижался. Тем не менее в тот же период коэффициент Джини для Китая неуклонно рос (табл. 1), что подтверждает тенденцию к увеличению разрыва в уровнях доходов населения как в сельской местности и городах в отдельности, так и в стране в целом.

³ Кейс-стади Китая подготовил М. Лью.

Таблица 1. Неравенство доходов населения в Китае, 1980–2004 гг. (коэффициент Джини)

Год	Сельская местность	Города	Страна	Год	Сельская местность	Города	Страна
1980	0,25	Н. д.	Н. д.	1992	0,32	0,24	0,29
1981	0,25	0,18	0,31	1993	0,34	0,27	0,42
1982	0,24	0,16	0,29	1994	0,34	0,29	0,43
1983	0,26	0,17	0,28	1995	0,34	0,28	0,42
1984	0,27	0,18	0,29	1996	0,33	0,29	0,4
1985	0,27	0,17	0,29	1997	0,33	0,29	0,4
1986	0,28	0,21	0,32	1998	0,33	0,3	0,4
1987	0,29	0,2	0,32	1999	0,34	0,3	0,42
1988	0,3	0,21	0,33	2000	0,36	0,32	0,44
1989	0,31	0,24	0,35	2001	0,36	0,32	0,45
1990	0,3	0,23	0,35	2004	—	—	0,47
1991	0,31	0,23	0,37				

Источник: 1980–2001 гг. [66, 67]; 2004 г. — данные Всемирного банка.

Факторы формирования современной модели до 1978 г.

История зачастую оказывает влияние на экономические процессы более сложными и неочевидными способами, чем кажется. В этой связи важным является рассмотрение земельной реформы в Китае. Сразу после (а во многих регионах даже до) образования КНР новое правительство начало общенациональную земельную реформу, согласно которой все частные землевладения, площадь которых превышала определенный пороговый уровень, были конфискованы и переданы в собственность безземельных граждан и тех, кто имел мало земли. В то время как этические основы открытой конфискации земли являются предметом споров, создаваемые ею стимулы и последствия для распределения ресурсов кажутся очевидными: частная собственность на землю обычно создает дополнительные стимулы к ее обработке, что должно приводить к повышению производительности и росту доходов фермеров, выступающих в качестве рабочей силы, владельцев земли или пользователей⁴.

Однако эти эффекты были поставлены под серьезный контроль начиная с середины 1950-х годов, когда новое правительство Китая попыталось коллективизировать земли. В качестве члена коллективного хозяйства фермер получает меньшую часть урожая, чем при долевым использованием земли (в этом случае исторической международной нормой является получение пользователем почти половины продукции). И, конечно, владелец земли не сможет в этом случае предъявлять остаточных требований⁵ (как в случае фикс-

⁴ Работа на собственной земле дает право на весь продукт труда (после вычета налогов, если таковые имеются). Однако собственность на землю и право на весь продукт труда (и в то же время полная ответственность по несению издержек) также могут повлечь за собой увеличение степени риска, связанного с неурожаем или какими-либо недостатками продукции.

⁵ Предъявление остаточных требований в данном случае — право на получение всего дохода, остающегося после оплаты всех производственных издержек, фиксированной арендной платы и налогов, если они предусмотрены.

сированной ренты), хотя члены коллективного хозяйства делят произведенную продукцию в соответствии с затратами труда каждого его члена [49].

Из этого описания коллективной системы в сельском хозяйстве, существовавшей до 1978 г., можно сделать вывод, что она была плохо разработана и с большой вероятностью оказывала негативное влияние на развитие сельского хозяйства, сельских районов в целом и, таким образом, всего Китая. Однако, несмотря на серьезные недостатки системы, она внесла важный вклад, сыграв свою роль в содействии развитию социальной сферы и росту инвестиций в физическую инфраструктуру в сельских районах.

Справедливость этой точки зрения подтверждается особенностями системы оплаты труда при коллективной модели, в которой сумма выплат каждому члену коллективного хозяйства (или его доля в коллективном доходе) определялась в соответствии с его трудовым вкладом относительно других членов. Трудовой вклад члена коллектива измерялся в баллах, и его доход от участия в коллективном хозяйстве определялся количеством заработанных баллов, умноженным на денежный эквивалент одного балла. Последний показатель рассчитывается как отношение общего коллективного дохода к суммарному количеству баллов, заработанных всеми членами коллектива.

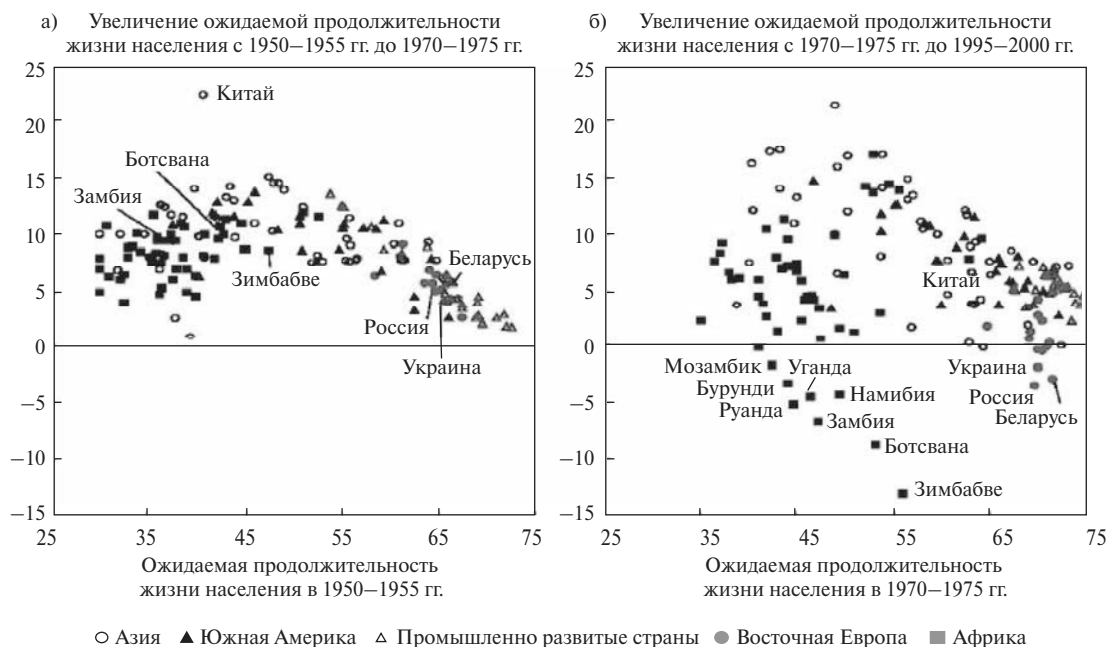
Такая система оплаты обладала двумя важными свойствами, которые оказались весьма полезными с точки зрения стимулирования инвестиций в социальную сферу и физическую инфраструктуру в сельском хозяйстве. Во-первых, не весь коллективный доход должен был распределяться среди членов коллективного хозяйства; его часть могла направляться на социальное обеспечение и другие цели. Так, часть коллективных доходов регулярно направлялась в так называемые «фонд накопления» и «фонд благосостояния». Первый из них использовался для расширения производства, а второй для инвестиций в социальную сферу, например, образование и здравоохранение. Именно средства коллективных фондов этого типа, а не государственное финансирование, обеспечили быстрое развитие сельского здравоохранения и сельского начального и среднего образования в Китае в этот период.

Данная система позволяла коллективным хозяйствам финансировать такого рода инвестиции и другим способом. Любые затраты труда, связанные с этими инвестициями, в частности, работа профессиональных медиков (например, сельских фельдшеров), определенных категорий учителей (например, так называемых «кооперативных» учителей) или любая другая работа по реализации проектов в области общественного здравоохранения, строительство местных школ и больниц, также могли оплачиваться на основе баллов, что увеличивало совокупное количество баллов в коллективе, тем самым сокращая денежный эквивалент каждого балла.

Наряду с инвестициями в социальную сферу коллективная система хозяйствования также в значительной степени способствовала осуществлению инвестиций в физическую инфраструктуру в сельских районах. Как правило, такие инвестиции включали построение или улучшение оросительных и дренажных систем и дорог в сельской местности, а также стандартизацию размеров и форм земельных участков. Эти улучшения базовой сельскохозяйственной инфраструктуры способствовали совершенствованию техники возделывания сельскохозяйственных культур и механизации сельского хозяйства, повышая его производительность, и имели важное значение для формирования последующих моделей экономического равенства и роста.

Оценить в денежном выражении указанные инвестиции в социальную сферу (образование, здравоохранение и другие ее элементы) и в физическую инфраструктуру сельских районов невозможно. Систематические данные для такого анализа отсутствуют. Тем не менее степень улучшения отдельных индикаторов здравоохранения и обра-

зования дает представление о масштабах социальных инвестиций в течение изучаемого периода. Масштаб улучшений в сфере здравоохранения в то время хорошо известен: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рассматривала систему сельского здравоохранения Китая как яркий пример, которому должны следовать другие развивающиеся страны. На рис. 1 представлено сравнение достижений Китая в увеличении ожидаемой продолжительности жизни населения в течение двух периодов (до и после 1978 г.) с достижениями развитых и развивающихся стран. Контраст очевиден. До 1978 г. результаты Китая лучше, чем у всех других стран, а в последующий период их можно в лучшем случае назвать скромными.

Источник: [16].

Рис. 1. Связь между начальным уровнем и увеличением ожидаемой продолжительности жизни в течение двух периодов: а) с 1950–1955 гг. до 1970–1975 гг.; б) с 1970–1975 гг. до 1995–2000 гг.

Что касается образования, в табл. 2 представлены результаты достижений в этой области для каждой возрастной когорты по данным национальной переписи населения Китая 1990 г. Достижения измеряются долей населения в каждой возрастной когорте, получившей или не получившей определенный уровень образования. Можно отметить снижение на 16 процентных пунктов уровня неграмотности и частичной неграмотности для когорты 1946–1949 г. р. по сравнению с аналогичным уровнем для когорты 1941–1945 г. р. (данные выделены жирным шрифтом). Это снижение совпало с образованием КНР в 1949 г.

Другие данные, приведенные в табл. 2, также представляют интерес. Можно отметить рост на 11 процентных пунктов числа получивших неполное среднее образование в когорте 1961–1965 г. р. и повышение на 12 процентных пунктов числа получивших полное среднее образование в когорте 1956–1960 г. р. по сравнению с аналогичными

показателями для соответствующих более старших возрастных когорт. В последнем случае, однако, за резким ростом показателя последовало столь же резкое снижение (на 10 процентных пунктов) в когорте 1966–1970 г. р.⁶

Что касается инвестиций в физическую инфраструктуру, в работе Люю [50] представлен детальный анализ масштабов и вклада этих инвестиций в развитие сельского хозяйства и сельских районов в целом в Китае в рассматриваемый период и после него.

Таблица 2. Уровень образования по возрастным когортам согласно национальной переписи населения Китая 1990 г., %

Возрастная когорта	Возраст в 1990 г.	Неграмотность и частичная неграмотность	Начальное образование	Неполное среднее образование	Полное среднее образование	Высшее образование
1981–1984	6–9	—	100,00	—	—	—
1976–1980	10–14	—	83,50	16,5	—	0,05
1971–1975	15–19	5,50	35,91	46,78	11,25	0,40
1966–1970	20–24	6,00	34,31	44,65	12,27	2,82
1961–1965	25–29	7,00	25,11	43,71	21,95	3,07
1956–1960	30–34	12,00	32,56	32,56	20,77	1,89
1951–1955	35–39	17,25	44,69	27,72	8,61	1,74
1946–1949	40–44	20,50	50,28	21,07	6,24	1,87
1941–1945	45–49	36,50	37,31	17,46	6,19	1,94
1936–1940	50–54	41,00	39,24	11,80	5,58	2,45
1931–1935	55–59	54,50	33,22	7,51	3,39	1,46
1926–1930	60–64	62,50	28,22	5,91	2,40	0,94
1925 и ранее	65+	73,50	21,07	3,84	1,30	0,53

Примечание. Данные таблицы основаны на соответствующих диаграммах, представленных в источнике. Несмотря на стремление к точности перевода данных из диаграмм в таблицу, возможны некоторые расхождения.

Источник: Национальный центр КНР по исследованию развития образования, 1995.

Реформы после 1978 г.

Начиная с 1978 г. и в последующий период в Китае был проведен ряд экономических реформ. Они начались в сельском хозяйстве с отказом от коллективной системы, но без возвращения в полной мере к частной собственности на землю. Теоретически земля находилась (да и сейчас остается) в коллективной собственности, хотя в рамках

⁶ Отметим, что в китайской системе образования полное среднее образование завершается в возрасте 18 лет, «культурная революция» началась в 1966 г. и официально продолжалась до 1976 г. Влияние ее последствий продолжалось до начала 1980-х годов. Таким образом, при тщательном анализе данных, представленных в табл. 2, окажется, что, несмотря на очевидное негативное воздействие в других сферах, этот период не повлиял отрицательно на сферу образования (и здравоохранения). Более того, в этих сферах влияние «культурной революции», возможно, было позитивным.

новой системы она распределена на более или менее равноправной основе между частными лицами⁷.

Эта реформа освободила неиспользуемые при коллективной системе производственные мощности, но при этом препятствовала их использованию в других секторах, о чем свидетельствует резкий рост сельскохозяйственного производства сразу после отказа от старой системы. Вскоре после этого начались реформы в сфере промышленности и в городских районах, сопровождаемые созданием серьезных стимулов для экспорта и поощрением ПИИ. В совокупности эти реформы способствовали началу периода быстрого и устойчивого экономического роста, но в то же время усилили разрыв в распределении доходов населения.

Каким образом события в экономике Китая до 1978 г., описанные выше, способствовали развитию страны после 1978 г. и повлияли на формирование модели экономического роста и равенства, которую мы наблюдаем сегодня? Во-первых, экономический рост в период после 1978 г. можно рассматривать как процесс устойчивого роста промышленного сектора и сферы услуг. Этот рост основывался на масштабном притоке избыточной рабочей силы из сельских районов и поддерживался расширением экспортных рынков и притоком прямых иностранных инвестиций. Решающее значение приобрело наличие грамотной и достаточно образованной рабочей силы, ставшее возможным благодаря инвестициям в социальную сферу, а именно в здравоохранение и образование, в более ранний период. Нельзя переоценить значение этой «скрытой» рабочей силы, которая в любой момент может быть привлечена к работе. Без нее рост мог остановиться, несмотря на предоставляемые рынком возможности. Хотя уровень образования и квалификации этой рабочей силы, возможно, был не очень высок, тем не менее он был достаточным для быстрого приобретения необходимых навыков, а физическая выносливость позволяла выдерживать сверхурочную работу⁸.

Во-вторых, экономический рост после 1978 г. в определенной степени обеспечивался миграцией из сельской местности в города. Однако темпы такой миграции в Китае росли медленнее, чем в других странах, проходящих через подобные процессы. Это объясняется тем, что фермеры по-прежнему имеют право на использование земли в сельской местности через систему прав на владение сельскохозяйственными угодьями (или «систему ответственности»). Согласно этой системе, фермеры не могут быть безземельными, и их права на землю гарантируют наличие источника дохода и являются для них, по сути, элементом социальной защиты. Эта система препятствовала чрезмерной миграции, предотвращая формирование обездоленных и неимущих групп населения на окраинах городов. Хотя в ходе реформ в области сельского хозяйства после 1978 г. система была переработана, своим происхождением она обязана институциональным земельным реформам, проведенным до 1978 г.

В-третьих, несмотря на переезд некоторых «избыточных» работников сельскохозяйственного сектора из деревень для работы в городах, оставшиеся в сельской местности работники перестали заниматься исключительно сельским хозяйством. Диверсификация, или одновременное осуществление деятельности как в сельском хозяйстве, так и вне его, была очень важна. Однако при невыполнении определенных условий

⁷ В частности, фермеры могут использовать землю для культивации по своему усмотрению и получать продукт своего труда в полном объеме, однако не могут продать или купить дополнительную землю (так как они не имеют прав собственности на существующую землю, то не могут получить таких прав и на любые дополнительные участки путем их покупки).

⁸ Более подробную информацию о влиянии хорошего здоровья и питания на физическую (и психологическую) выносливость работающих сверхурочно и их вклад в экономический рост и развитие страны см. в [23].

процесс диверсификации сопровождался бы трудностями. В этой связи значение инвестиций в объекты физической инфраструктуры в сельских районах, осуществленных в период коллективного хозяйствования до 1978 г., заключалось не только в том, что они повысили урожайность и производительность труда в сельском хозяйстве, но и в том, что частичная занятость на сельскохозяйственных работах стала возможной и оправданной⁹. Действительно, частичная занятость в сельском хозяйстве стала широко распространенным явлением в сельских районах Китая.

Таким образом, мигрируя в города, но при этом сохраняя право на участки земли в своих родных деревнях, или оставаясь в сельской местности, но при этом занимаясь в том числе и несельскохозяйственной деятельностью, китайские фермеры имели лучшие возможности для получения доходов, чем при отсутствии новых институциональных механизмов и инвестиций в социальную сферу, осуществленных в дореформенный период. Роль событий, происходивших до 1978 г., обычно преуменьшается при анализе основных источников формирования модели экономического роста и равенства после 1978 г. Однако при тщательном исследовании факторов, повлиявших на текущую модель роста и равенства в стране, эти события нельзя игнорировать.

Бремя «размера»

Большая территория Китая оказала довольно неоднозначное влияние на возможности развития страны. С одной стороны, наличие больших территорий внесло очевидный и значительный позитивный вклад в увеличение экспорта и обеспечение притока прямых иностранных инвестиций. Во-первых, в общем объеме экспорта Китая значительную долю составляла торговля товарами, производимыми из импортного сырья, особенно в первые годы реформ. Наличие многочисленной дешевой, грамотной и обладающей средним уровнем квалификации рабочей силы было одним из факторов, сделавших это возможным. Например, в отсутствие такой рабочей силы превращение региона дельты реки Чжунцзян в один из ведущих в мире районов локализации производства товаров с высокой добавленной стоимостью из импортного сырья невозможно представить. Во-вторых, потенциал Китая как крупнейшего потребительского рынка в мире помог обеспечить значительный приток ПИИ в страну. Помимо вклада в увеличение ВВП Китая, прямые иностранные инвестиции, вероятно, сыграли роль в стимулировании реформ рынка труда и других экономических преобразований в стране¹⁰. В целом влияние ПИИ на стимулирование экономических реформ в Китае было значительным и осуществлялось по многим направлениям.

С другой стороны, несмотря на значительный вклад в успех стратегии развития, основанной на росте экспорта, размер территории Китая накладывает также существенные ограничения. Во-первых, с точки зрения роста. В результате начального этапа быстрого роста экспорта и экономики в целом Китай в настоящее время стал источником значительной доли общемирового объема экспорта определенных товаров и услуг,

⁹ Во-первых, совершенствование сельских дорожных сетей улучшает условия транспортировки и сокращает ее продолжительность. В сочетании с улучшенной конфигурацией земельных участков это сделало возможной механизацию широкого спектра сельскохозяйственных работ (развитая сеть дорог облегчает доступ сельскохозяйственной техники к каждому участку; формирование участков большего размера и лучшей конфигурации также способствует механизации). В целом это уменьшило временные затраты фермеров на занятия сельским хозяйством и позволило им заниматься другой деятельностью, причем эта деятельность была экономически оправданной.

¹⁰ См., например, [51] о ПИИ и их роли в реформировании рынка труда Китая.

что породило эффект снижения экспортных цен¹¹. Продолжающееся в течение долгого времени стремление к наращиванию экспорта путем снижения экспортных цен и поддержания низкого уровня заработной платы оказало серьезное негативное влияние на рост внутреннего спроса на товары и услуги в Китае. Во-вторых, с точки зрения экономического равенства стремление к поддержанию низкого уровня экспортных цен и заработной платы оказало влияние на распределение доходов населения. Когда экспортные цены снижаются, потери в экспортных доходах с малой долей вероятности будут распределены между всеми участниками стоимостной цепочки (работниками, менеджерами, кредиторами и владельцами бизнеса) пропорционально их прежним доходам. Как правило, в первую очередь потери ощущают на себе рядовые работники, особенно в странах с избыточными трудовыми ресурсами, таких как Китай, где в случае увольнения работников не сложно найти им замену. Кроме того, работники, несущие основное бремя снижения экспортной выручки, уже относятся к числу малообеспеченных граждан. Таким образом, в большой стране чрезмерная зависимость от увеличения экспорта может оказывать отрицательное влияние не только на экономический рост, но и на распределение доходов.

Существуют и другие важные механизмы возможного негативного влияния размера территории страны на модель распределения доходов населения, но ограниченный объем данной работы не позволяет остановиться на них подробнее.

Какие последствия для Китая будут иметь рассмотренные события и процессы в будущем?

Последствия: рост и равенство

Опора на экспортно-ориентированный рост в долгосрочной перспективе нежелательна для Китая, поскольку оказывает отрицательное воздействие на экономический рост и равенство. Действительно, размеры территории вынуждают Китай решать проблемы экономического роста и обеспечения равенства параллельно. Китай, возможно, уже достиг той стадии развития, когда вопрос обеспечения устойчивого роста не может рассматриваться в отрыве от вопросов распределения доходов и экономического равенства.

Обеспечение роста внутреннего спроса на протяжении некоторого времени признается важной проблемой многими исследователями и властями Китая. Тем не менее понимание роли внутреннего спроса весьма ограничено. Представляется, что спрос со стороны домохозяйств необходимо увеличивать. Это потребует увеличения свободных денежных средств у населения. Повышение заработной платы может помочь достижению этой цели, особенно если оно коснется низкооплачиваемых работников. Перераспределение доходов за счет улучшения программ социальной защиты также может способствовать увеличению внутреннего спроса.

Тем не менее правительство продолжает препятствовать введению мер, направленных на увеличение заработной платы и усиление социальной защиты. Прежде всего существуют опасения, что рост заработной платы может привести к снижению конкурентоспособности китайских компаний и отрицательно повлиять на экспорт и приток

¹¹ Китайский экспорт определенных товаров и услуг, в частности, составляет значительную долю рынка в некоторых странах (США, Европейском союзе, Японии и др.). Потребители этих рынков получают преимущества, поскольку большие объемы экспорта из Китая и других развивающихся стран помогли сохранить цены на широкий спектр потребительских товаров на низком (иногда очень низком) уровне, тем самым снижая среднюю стоимость жизни в этих странах и повышая реальные доходы и благосостояние потребителей.

иностранных инвестиций. Такая позиция имеет право на существование, но необходимо признать, что дальнейшее использование текущей стратегии стимулирования экспорта неприемлемо. Действительно, Китай в таком случае может оказаться в зависимости от дешевого и низкотехнологичного экспорта и, таким образом, попасть в так называемую ловушку среднего дохода.

Кроме того, наблюдается нежелание со стороны правительства принимать на себя долгосрочные обязательства по перераспределению доходов (в денежной или натуральной форме) в пользу домохозяйств с помощью различных программ социального страхования и защиты. Следует признать необходимость укрепления механизмов социальной защиты. В последнее время было проведено много исследований, посвященных изучению возможных масштабов таких программ. Однако до сих пор никаких конкретных шагов в данном направлении не предпринято¹².

Последствия: инвестиции в социальную сферу и ловушка среднего дохода

Нет ничего более важного для развития, чем наращивание человеческого капитала. Уровень развития человеческого капитала, достигнутый до 1978 г., позволил Китаю завершить первый этап трудного процесса преобразований, а именно освоить используемые за рубежом технологии и стать частью международных производственных систем. Сейчас страна достигла второго этапа процесса — освоила имитацию и адаптацию таких технологий. Однако для перехода Китая в третью фазу — создания собственных инноваций и участия в сегментах стоимостной цепочки с высокой добавленной стоимостью — необходим гораздо более высокий уровень развития человеческого капитала, чем в настоящее время. Это означает необходимость больших государственных инвестиций в образование, профессиональную подготовку и другие процессы развития знаний и навыков. Помимо увеличения объемов финансовых вложений, это может потребовать соответствующих институциональных преобразований в существующих формальных и неформальных механизмах образования и профессионального обучения.

Кроме непосредственных мер поддержки образования и систем профессиональной подготовки, эффективное развитие человеческого капитала требует также реализации ряда других мер, в том числе в сфере здравоохранения и программ социальной защиты. В то же время, несмотря на необходимость увеличения объема государственных инвестиций в образование, нельзя недооценивать роль частных инвестиций. Объемы частных инвестиций в образование и здравоохранение в Китае велики, но выгоды от них получают лишь те, кто может позволить себе доступ к соответствующим услугам.

Последствия: земельные ресурсы и урбанизация

Существующая система использования сельскохозяйственных земель в Китае является предметом серьезного обсуждения. Важное достоинство этой системы заключается в обеспечении некоторого минимального уровня социальной защиты для фермеров с точки зрения не только доходов, но и занятости. Противники системы указывают на масштабное недоиспользование сельскохозяйственных земель (в некоторых случаях полный отказ от любого производительного способа их использования) теми, кто име-

¹² Причина заключается в том, что многие политики в Китае видят такое перераспределение преимущественно в негативном свете. Часто приводятся в пример неудачные попытки такого перераспределения в некоторых странах (например, в странах Латинской Америки), где рост социальной защищенности иногда опережает экономический рост.

ет права на эти земли, но проживает и работает в другом месте. Учитывая значительные масштабы сельской миграции, проблема действительно может стать серьезной. Для ее решения противники системы предлагают провести приватизацию земель.

Однако, как представляется, Китай не подготовлен к приватизации земель и не нуждается в ней. В соответствии с действующей системой фермер может сдавать землю в аренду за плату (получать ренту). Этот механизм плохо регулируется и не организован институционально, но его можно усовершенствовать. Развитый и активный рынок аренды сельскохозяйственных земель вполне может решить проблему их недоиспользования. Еще более важно то, что частная собственность на землю может привести к вынужденным продажам земель некоторыми фермерами, а, как известно из истории, данный процесс приводит к повышению степени концентрации земельных ресурсов и связанной с этим экономической поляризации, что, в свою очередь, чревато насильственным свержением династической власти и социальными потрясениями.

Тем не менее нам представляется, что Китай должен сохранить существующую систему прав собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Определенные изменения вполне возможны. Однако они должны происходить только после решения Китаем проблемы, которая в первую очередь способствовала формированию ныне действующей системы прав собственности на землю, а именно проблемы существования такой системы в качестве замены механизма социальной защиты для сельских жителей. Степень социальной защищенности жителей сельских районов поначалу может быть умеренной, а затем постепенно должна быть приведена в полное соответствие с существующей системой социальной защиты городских жителей как по уровню, так и масштабу охвата. До тех пор, пока эти шаги не реализованы, никаких фундаментальных изменений в существующую систему прав на земли сельскохозяйственного назначения вносить не нужно.

Заключение

Многие факторы способствовали формированию существующей в Китае модели экономического роста и равенства. Данное исследование акцентирует внимание на основных факторах, которые пока мало освещены в литературе, и приводит к выводу о том, что без правильного понимания их роли трудно в полной мере осознать экономическую историю Китая последнего времени и предложить рекомендации в отношении приемлемых в будущем стратегий экономического роста и развития.

К важнейшим факторам относятся заложенные до 1978 г. основы будущего развития, особенно институциональные реформы в сельскохозяйственном секторе и инвестиции в социальную сферу. Это наследие было успешно дополнено стратегиями развития экспорта и поощрения ПИИ, которые страна реализовывала после 1978 г. Однако хотя эти стратегии стимулировали стремительный экономический рост Китая, развитие страны в долгосрочной перспективе едва ли может основываться на них. Было показано, что и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе важное значение для Китая будет иметь увеличение внутреннего спроса до уровня значительно возросших производственных мощностей, что также подразумевает совершенствование существующих механизмов распределения доходов. В частности, помимо повышения уровня заработной платы, важно обеспечить расширение программ социальной защиты для увеличения внутреннего спроса и, что еще более важно, возобновить и нарастить объем инвестиций в человеческий капитал. Возобновление наращивания человеческого капитала имеет важнейшее значение для дальнейшего развития и модернизации Китая и достижения им уровня развитых стран. В этой связи особое значение имеет увеличе-

ние государственных инвестиций как путем прямых расходов, так и через повышение уровня социальной защиты.

Бразилия¹³

Вводные замечания

В последние годы средние темпы роста Бразилии не были столь впечатляющими по сравнению с другими странами БРИКС: по темпам роста Бразилия находится на последнем месте среди стран БРИКС. Тем не менее средний темп роста в 2004–2010 гг. составил 4,4%, что существенно выше, чем в 1981–2003 гг. (2,0%). Однако этого недостаточно, чтобы вернуть страну к показателям периода расцвета импортозамещающей индустриализации (1947–1980 гг.), когда ежегодный темп роста составлял 7,5%. Похожие показатели были у Индии в последние несколько лет.

Анализ роста доходов домохозяйств на душу населения на основе данных исследований домохозяйств, а не только анализ темпов роста ВВП, дает более глубокое понимание экономического роста Бразилии. В Китае рост доходов домохозяйств на душу населения был на 2% ниже, чем рост ВВП, в то время как в Бразилии на 2% выше [59]. Кроме того, распределение увеличения доходов домохозяйств на душу населения в каждом дециле демонстрирует снижение разрыва в уровне доходов в Бразилии на протяжении последнего десятилетия, в то время как в странах БРИКС разрыв в уровне доходов увеличился (или остался неизменным). В Бразилии доход беднейших домохозяйств увеличивался во много раз быстрее, чем самых богатых; рост реального дохода бедных был выше, чем темпы роста ВВП Индии, и незначительно ниже темпов роста ВВП Китая, что показывает ориентированность процессов роста в Бразилии в последние годы на бедные слои населения [59].

Какие ключевые факторы определяют умеренные темпы роста — после двух десятилетий стагнации — и снижение неравенства доходов в Бразилии в последние годы? Является ли низкий уровень роста ВВП неизбежным следствием процессов более сбалансированного (справедливого) роста? Каким образом этот сбалансированный путь был избран бразильским обществом? Какие последствия просматриваются от долгосрочного роста? Данный обзор обобщает данные по этим вопросам. В обзоре также выделены изменения, произошедшие за последние 22 года, с момента принятия новой конституции Бразилии в 1988 г. и определены вызовы и препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы обеспечить устойчивость процессов сбалансированного роста в Бразилии.

К наиболее важным факторам, объясняющим текущую модель роста, относятся: 1) экономическая стабильность; 2) повышение уровня социальной защиты и социальных услуг; 3) институциональные реформы, служащие гарантом экономической стабильности и повышения уровня социальной защиты и социальных услуг для населения.

Экономическая стабильность

В Бразилии период 1980 — начала 1990-х годов был отмечен низкими и нестабильными темпами роста. Это происходило в условиях продолжительной инфляции в сочетании с провалом следующих друг за другом планов по стабилизации. Широко распространенная индексация контрактов (цены, заработная плата и арендная плата)

¹³ Кейс-стади Бразилии подготовил доктор Ф.В. Суарес.

добавляла инерционный компонент к процессам инфляции, которая прекратилась лишь после монетарной реформы 1994 г., осуществленной в рамках плана «Реал».

План «Реал» стал первым шагом к экономической стабильности, однако не решил проблемы всех экономических дисбалансов. Жесткая монетарная политика в сочетании с завышенным обменным курсом в условиях следующих друг за другом кризисов развивающихся экономик не могла служить идеальной площадкой для устойчивого роста. Кроме того, для достижения экономической стабильности были необходимы реформы на микроэкономическом уровне. Важные институциональные преобразования, способствовавшие укреплению экономической стабильности, включали определение контрольных цифр инфляции в соответствии с приоритетами монетарной политики; определение показателей налогового профицита в области налоговой политики в 1999 г.; принятие закона о Налоговой ответственности в 2000 г., в котором были выделены показатели для различных уровней государственного управления.

Переход от правительства Кардосо к правительству Лулы не привел к аннулированию новых инструментов, разработанных для улучшения экономической стабильности. Однако уже в ходе второго срока президентства Лулы появились некоторые сомнения в приверженности правительства данной «макроэкономической рамке». В частности, контрциклические меры¹⁴, проводимые для борьбы с финансовым кризисом 1998–1999 гг., рассматривались как подвергающие риску цели налоговой политики и демонстрирующие самоуспокоение относительно инфляции. Однако больше всего обсуждений (продолжающихся до сих пор) в то время вызвал не вопрос важности контроля инфляции. Напротив, обсуждались инструменты, которые необходимо использовать для удержания инфляции на уровне, установленном Центральным банком. В последние годы, в период президентства Д. Руссефф, обсуждается темп и промежуток времени, в течение которого инфляция должна оставаться на уровне средних значений, принимая во внимание возобновление экономического кризиса. Недавняя дискуссия о мерах макропруденциальной монетарной политики по отношению к увеличению процентных ставок в условиях недавнего скачка инфляции является одним из примеров подобного обсуждения.

Расширение программ социальной защиты

В русле латиноамериканской традиции взносы на социальное страхование были главной чертой механизма социальной защиты в Бразилии с момента его становления в 1930-х годах. Система была создана для защиты работников формального сектора, так же как и работников государственного сектора, через систему сбора налогов посредством вычетов из заработной платы, в которую вносили свой вклад работодатели, работники и правительство. Взносы на социальное страхование покрывают выплаты по выходу на пенсию, пенсии (членам семьи) по случаю потери кормильца, больничные, декретный отпуск, пособия на семью/ребенка. Они также покрывали медицинскую страховку, однако с введением Объединенной системы здравоохранения (SUS), которая гарантировала медицинскую страховку для всех граждан, независимо от их вклада в социальное страхование, это стало излишним¹⁵. Сравнительно недавно права работников формального сектора в Бразилии были дополнены выходными посо-

¹⁴ См. [7] для сравнительного обзора контрциклических мер, реализованных правительством Бразилии.

¹⁵ Частная система страхования в здравоохранении сосуществует с государственной. Большинство семей высшего и среднего класса пользуется частной системой страхования здоровья, отчасти из-за проблем качества государственной системы.

биями (1966), страхованием по безработице (1986 и 1998 гг., как право, утвержденное в Конституции), «13 зарплатой» (*abono salarial*) для тех работников формального сектора, которые получают менее двух минимальных размеров оплаты труда (1988 г., как право, утвержденное в Конституции).

Суммируя вышесказанное следует отметить, что работники формального сектора пользовались многими льготами социального страхования, и их социальные права были гарантированы законодательством. Ситуация в сфере социальной помощи несколько отличалась, поскольку социальная помощь понималась как предоставление услуг социальной помощи, и внесение взносов не подразумевалось. На протяжении всего периода импортозамещающей индустриализации с высокими темпами роста (1940–1960 гг.) в большинстве своем социальные пособия основывались на «натуральных» благотворительных платежах, а не на обязательных взносах [42]. Такие, не основанные на взносах выплаты стали осуществляться в достаточных масштабах с введением двух программ: “Funrural” – пособие для пожилых глав семейств в сельских областях, действует с 1971 г., и «Пожизненного месячного дохода» (RMV) – пособие, которое выплачивалось лицам пожилого возраста, проживающим в условиях крайней бедности, и инвалидам. Введено в 1974 г. во время авторитарного режима.

Конституция 1988 г. расширила и повысила уровень данных программ и размер пособий. Пенсия для сельскохозяйственных работников и «Постоянное пособие» (BPC), которое пришло на смену RMV, выплачивались получателям в размере минимальной заработной платы. Благодаря этим двум программам уровень бедности среди пожилого населения Бразилии был незначительным. Две основные программы перераспределения средств, не предусматривающие взносов, бюджеты которых намного больше, чем бюджет социальной программы “Bolsa Família”, были ориентированы на экономически пассивных граждан, которые не могли работать в силу инвалидности или возраста, и не имели родственников, способных оказать им поддержку (в случае, если они нуждались в BPC).

Следующие нововведения появились одновременно с условными выплатами для бедных в середине 1990-х годов и впоследствии были включены в программу “Bolsa Família”, в их числе: 1) акцент на права семьи (а не работника(ов)); 2) наличие обязательств/условий, направленных на благополучие детей; 3) возможность оказания социальной помощи «трудоспособным» гражданам. Последнее нововведение объясняет тот факт, почему в отличие от двух других программ “Bolsa Família” была направлена на пополнение дохода семьи, нежели на его замену¹⁶.

Введение денежных пособий для бедных семей, во главе которых находились лица трудоспособного возраста, позволило системе социальной защиты охватить большую часть неформального сектора, который раньше был практически социально незащищенным. Пенсии для сельскохозяйственных работников и «Постоянное пособие» также внесли значительный вклад в этот процесс, но они обеспечивали защиту только в конце жизни. Семьи, в которых не было лиц пенсионного возраста, не могли даже косвенно воспользоваться данными пособиями.

Неудивительно, что расходы на социальную помощь (не предусматривающие взносы) были той статьей бюджета, которая среди всех социальных расходов федерального правительства в 1995–2009 гг. увеличивалась в наибольшей степени: с 0,7% до 6,8% соответственно. По отношению к ВВП расходы в этот период также выросли с 0,08% до

¹⁶ Максимальная выплата, которую может получить семья, ниже 50% текущего минимального размера оплаты труда. Чтобы получить максимальную выплату, в семье должно быть не менее пяти детей (в возрасте от 0 до 15 лет) или два подростка (16–17 лет), семья должна проживать за чертой бедности (получаемый месячный доход на человека меньше 70 реалов (44 долл. США). Данная сумма, очевидно, не может покрыть все необходимые расходы без других источников дохода.

1,09%. Главным образом это связано с расширением программ ВРС и “Bolsa Família” [1]. В тот же период расходы государства на социальную защиту населения (на основе взносов плюс пенсии сельскохозяйственным работникам) выросли с 5% ВВП до 7,28% в результате увеличения числа получателей и минимального размера оплаты труда, что соотносится с показателями минимальной пенсии в Бразилии [1]¹⁷.

Рост расходов привел к положительным результатам с точки зрения сокращения бедности и неравенства. Согласно Суаресу [81], коэффициент Джини, измеряющий неравенство доходов населения, снизился с 0,591 в 1999 г. до 0,538 в 2009 г. Авторы также установили, что коэффициент Джини снизился на 16% благодаря программе “Bolsa Família”, несмотря на то, что она составляла лишь 0,8% дохода семей. Индексированные по отношению к минимальному размеру оплаты труда пенсии (включая пенсии сельскохозяйственных работников и «Постоянное пособие») обеспечили 15%-е снижение коэффициента Джини, при том что они составляли 6,4% дохода семей.

Главным фактором, способствовавшим снижению неравенства доходов, стал трудовой доход, составлявший 76,2% дохода семьи; благодаря ему неравенство доходов снизилось на 59%. Снижение неравенства на рынке труда стимулировала совокупность нескольких факторов: увеличение минимального размера оплаты труда, рост числа рабочих мест в формальном секторе, сокращение расходов на образование, в то время как число более образованных работников выросло. В итоге уровень безработицы снизился.

Что касается борьбы с бедностью, программа “Bolsa Família” способствовала сокращению на одну треть населения, проживающего за чертой бедности (с 10% до менее чем 5% в 1999–2009 гг.), а также на 16% уровня бедности в целом (с 26% до 14% в 1999–2009 гг.). Вне программы “Bolsa Família” доля населения, проживающего за чертой бедности, выросла до 32% (почти на 2%) в 2009 г. в ходе кризиса.

Учитывая рост социальных расходов федерального правительства с 11,24% до 15,80% в 1999–2009 гг. в условиях фискальной консолидации, очевидно, что эти расходы осуществлялись за счет увеличения налогового бремени, которое выросло с 26% до 35% в 1998–2008 гг.

Институциональные реформы

Институциональные реформы сыграли решающую роль в обеспечении устойчивости процесса экономической стабилизации, расширении социальной защиты и социально ориентированной политики. Конституция 1988 г. не только в значительной мере способствовала процессу социальной включенности, но также утвердила систему сдержек и противовесов, направленную против авторитаризма [4]. Высокий уровень открытости и надзора ограничивали должностные преступления, такие как коррупция, семейственность, и недемократические процессы, которые сдерживали рост из-за слабости государственных институтов и мешали укреплению демократии.

Несмотря на институциональные реформы в экономической сфере, которые привели к улучшению управления налоговой политикой, децентрализация власти между штатами и муниципалитетами, без учета рисков усиления территориальных различий, привела к созданию партнерств между тремя правительственными уровнями (федеральным, на уровне штата и уровне муниципалитета). Это также способство-

¹⁷ Минимальный размер оплаты труда в 1995–2009 гг. вырос на 100% в реальном исчислении, и почти 2/3 людей, получающих пенсии, получали практически одну минимальную заработную плату или даже меньше (меньше только в случае пенсии по утрате работоспособности, которая отличалась для разных получателей) [1].

вало децентрализованному внедрению инноваций. Важная роль муниципалитетов в реализации программы “Bolsa Família” и недавние партнерства между правительством штатов и федеральным правительством для осуществления стратегии «Бразилия без бедности» являются хорошими примерами этого процесса, не говоря уже об извлеченных уроках и преодоленных трудностях, возникших в ходе реализации программы «Объединенная система здравоохранения» и недавней программы «Объединенная система социальной помощи». Упоминания также заслуживает улучшение качества мониторинга и оценки достижений в образовании, которые помогают создавать механизмы открытости и подотчетности на всех уровнях и создавать стимулы для улучшения работы школ [4].

Связь между социальной защитой и ростом в национальном контексте

Хотя реализация бразильской версии государства всеобщего благоденствия, основа которого была заложена в Конституции 1988 г., требовала увеличения налогового бремени, она определенно привела к увеличению доходов беднейших групп населения через переориентацию рынка труда на бедных и политику перераспределения в пользу бедных. Такая политика привнесла в бразильскую экономику новый источник динамичного развития в дополнение к росту, вызванному увеличением внешнего спроса на экспорт, который привел к скачку цен на сырьевые товары. Рост внутреннего потребления благодаря возникновению значительной прослойки низшего уровня среднего класса и распространению дорогостоящих потребительских кредитов наряду с контрциклическими мерами, принятыми в 2008–2009 гг., объясняет, почему глобальный финансовый кризис оказал слабое воздействие на Бразилию (–0,8% в 2008 г.), и почему темпы экономического роста восстановились уже на следующий год (7,5% в 2009 г.).

Ограничения и вызовы

Как отмечает Сантос [71], эффективный механизм между внутренними и внешними движущими силами, относительно хорошо работающий в целях обеспечения инклюзивного устойчивого роста последние пять лет, имеет внутренние противоречия и ограничения. Первое ограничение связано с высокой, по сравнению с любыми международными стандартами, базовой процентной ставкой в Бразилии. Процентные платежи, несмотря на некоторое снижение за последние пять лет, составляют 5,5% ВВП. Второе ограничение проявляется в завышенном обменном курсе, который подрывает рост в промышленных отраслях и увеличивает импорт. Третье ограничение связано с дефицитом частного финансирования долгосрочных проектов, который заставляет правительство финансировать инвестиции с высокой налоговой стоимостью из-за различий между краткосрочными и долгосрочными процентными ставками. Четвертое ограничение представлено массовым потреблением, основанным на кредитах, не способствующим внутренним накоплениям, и может привести к ухудшению движения капитала, поскольку большая часть инвестиций будет финансироваться за счет иностранных средств.

Чтобы преодолеть эти проблемы, Сантос предлагает:

- улучшить качество (управления) государственного долга для продолжения снижения процентных ставок и стимулирования владельцев финансового капитала к инвестициям в инфраструктуру (долгосрочное инвестирование);
- избегать утечек новых инвестиций для обеспечения прибыли и накоплений в стране, что требует сокращения доступности потребительских кредитов; эти меры можно осуществить без препятствий для политики перераспределения;

- внедрять активную индустриальную политику и увеличить контроль за обменным курсом во избежание разделения в сырьевом секторе;
- обратиться к другим механизмам распределения, например, сделать систему налогообложения Бразилии более прогрессивной и улучшить качество и распределение социальных расходов в Бразилии.

ЮАР¹⁸

Текущее неравномерное распределение благосостояния, наличие рисков и неравенство доходов в ЮАР является не только наследием времен сегрегации и апартеида, но и результатом более широкого спектра взаимодействий различных аспектов социальной и экономической политики. Институты расовой дискриминации — лишь часть этого процесса. Причины уходят корнями в историю колонизации и являются следствием ряда решений, принятых в конце XIX — начале XX в. и связанных с переходом к капиталистическим отношениям в сельской местности, а также с ходом индустриализации в городах. В результате с середины 1970-х годов в ЮАР идет процесс, который можно описать как деаграризация при сокращении количества рабочих мест (jobless de-agrarianisation): миллионы людей вытесняются с сельскохозяйственных площадей при крайне низкой вероятности дальнейшего трудоустройства [9, 14]. В отсутствие земельной собственности и возможности найти достойную работу эти люди становятся «избыточной» частью населения, не способной обеспечить себя посредством производства продовольствия, и «лишней» с точки зрения обеспечения трудовыми ресурсами других секторов экономики. Экономический рост в ЮАР, вопреки Крааю и Доллару [43], не был «благоприятным для бедных». Напротив, он закрепил их маргинальный статус.

Важно отметить, что слово «исключенность» в настоящем анализе не употребляется: положение беднейших слоев населения в ЮАР характеризуется не только их оторванностью от возможностей, предоставляемых рынком. Точнее его можно охарактеризовать как состояние «неблагоприятной социальной интеграции» (adverse incorporation) [13, 26]. Миллионы малообеспеченных чернокожих южноафриканцев оказались исключенными из экономического процесса в качестве фермеров, сельхозпроизводителей, рабочих и торговцев... но включенными в него в качестве потребителей промышленных товаров, производимых ключевыми секторами экономики ЮАР [28]. В результате были перекрыты основные пути выхода из бедности, и, как следствие, произошло укоренение неравенства возможностей в основополагающей структуре и ключевых институтах южноафриканского общества.

Переход к демократии не решил проблем, лежащих в основе этого процесса. В то время как неравенство в определенной степени перестало носить характер расового разделения, социальные процессы, обуславливающие процесс «деаграризации при сокращении количества рабочих мест», не были остановлены. В действительности в постапартеидной ЮАР эти тенденции получили продолжение и даже усилились.

«Деаграризация при сокращении количества рабочих мест» и «неблагоприятная социальная интеграция»

Четыре фактора, способствующие процессу «деаграризации при сокращении количества рабочих мест», обусловлены лишением населения земельных владений во времена режима апартеида, сложившейся в результате этого неустойчивой простран-

¹⁸ Кейс-стади ЮАР подготовил проф. А. дю Туа.

ственной экономической географии, характером и структурой ключевых отраслей южноафриканской экономики.

Прежде всего колонизация и политика апартеида вызвали существенное искажение в распределении средств производства в экономике, что наиболее отчетливо проявилось в практике массового отчуждения имущества путем насильственного выселения, в результате которого большие земельные площади перешли от чернокожих фермеров к немногочисленной группе белых землевладельцев. К завершению периода апартеида около 60 тыс. ферм, находившихся в собственности белых землевладельцев, составляли 82 млн га сельскохозяйственных земель (86% всех земель сельскохозяйственного назначения страны). В то же время 12,7 млн чернокожих южноафриканцев (около 32% населения) были сконцентрированы на 13% земель, в соответствии с законом «О землях коренных жителей» 1913 г. (Natives Land Act) и законом «Об опеке коренных жителей и их землях» 1936 г. (Native Trust and Land Act), называемых «территориями для коренных жителей» [2]. Положение работников на фермерских хозяйствах было тяжелым и, кроме того, с середины 1960-х годов еще более ухудшилось. Положение сельскохозяйственных работников на территории бантустанов было осложнено недостатком инвестиций в инфраструктуру и дефицитом земельных ресурсов: наделы на пахотных землях составляли от 0,5 до 1,5 га. Более половины домохозяйств в сельской местности имели наделы менее 1 га [45, 54]. Более того, ряд факторов, включая модернизацию, монетизацию и пандемию ВИЧ/СПИДа, способствовал детериорации производственных отношений, обеспечивавших существование мелких земельных хозяйств [5]. Подавляющее большинство бедных чернокожих сельских жителей не могли обеспечивать себя за счет сельскохозяйственного производства: в то время как около 2 млн домохозяйств продолжают быть в той или иной степени вовлеченными в сельскохозяйственное производство, большинство исследований показывает, что на долю сельского хозяйства приходится менее 10% и без того мизерного показателя доходов населения (по наиболее оптимистичным оценкам, эта цифра составляет 30%) [5]. Для большинства сельского населения ЮАР выживание оказалось возможным только путем миграции и низкооплачиваемого труда в горнодобывающей и перерабатывающей отраслях южноафриканской экономики, находящихся в собственности белого населения страны.

Во-вторых, основным наследием политики апартеида является не только существенное неравенство в распределении средств производства, но и неустойчивое территориальное распределение экономических ресурсов [18]. Территориальный инжиниринг того времени усугублял географические диспропорции экономического развития как на национальном уровне посредством концентрации бедных слоев населения в бантустанах, расположенных в тысячах километров от экономического центра ЮАР, так и на региональном уровне путем перемещения чернокожих южноафриканцев в отдаленные спальные районы городов [36, 80]. Долгосрочным наследием политики территориальной концентрации бедности являются высокий уровень миграции, сохраняющийся и спустя многие годы после падения режима апартеида, а также значительные дистанции, которые приходится преодолевать малообеспеченным чернокожим для того, чтобы добраться на работу [95].

Третий фактор связан с капиталоемкостью, высокой степенью концентрации и вертикальной интегрированностью южноафриканской экономики, основную роль в которой играют высокоразвитые предприятия обрабатывающего сектора, сконцентрированные вокруг обширных источников природных ресурсов и дешевой энергии [33]. Рост в этом секторе был преимущественно капиталоемким, и эластичность объемов производства относительно задействованных трудовых ресурсов была низкой [12].

Высокая степень концентрации экономики ЮАР имела большое значение [17]: к концу периода апартеида более 80% капитализации Йоханнесбургской фондовой биржи формировалось в шести конгломератах на территории страны [87]. Подобная концентрация и вертикальная интеграция ощущаются также и в пищевом секторе, характеризующемся высокой степенью преобладания агробизнеса. В особенности важным измерением данного процесса в последние годы является включение супермаркетов в систему розничной торговли продовольствием. К 2010 г. они контролировали около 70% продовольственного рынка, 94% из которых принадлежали шести крупнейшим сетям [40]. Несмотря на то, что супермаркеты, без сомнения, способствовали обеспечению бедных рабочих дешевым продовольствием, используемые ими системы поставок негативно сказались на мелких хозяйствах и малых, средних и микропредприятиях, в то время как их розничная торговля так же резко отразилась на деятельности локальных игроков неформального сектора экономики [22, 53]. Основным фактором в этой связи является территориальный аспект доминирования корпораций в ключевых секторах экономики. В то же время отличительной особенностью секторов розничной торговли и услуг является их проникновение даже в самые удаленные сельские районы. Таким образом, ЮАР стоит перед проблемой, не характерной для развивающихся стран и стран со средним уровнем доходов: в слабо развитых сельских районах страны отсутствует «коммерческое пространство», доступное для улучшения и развития локальных производств и неформальных рынков [63].

Четвертым фактором является существенно искаженное распределение человеческого капитала, ставшее результатом образовательной политики Х. Фервурда и неудач в реформировании образовательной системы ЮАР. Роль данного фактора, однако, несмотря на его важность, заключается в усилении влияния процессов, описанных выше.

Исходя из этого можно сделать три принципиальных вывода теоретического характера. Во-первых, факторы, способствующие сохранению бедности и маргинализации населения в ЮАР, можно охарактеризовать как структурные. Они не являются результатом недостатка мер содействия развитию и не могут быть решены путем устранения препятствий росту как таковых. Скорее, эти факторы обусловлены направлением, в котором южноафриканская экономика развивалась в предыдущие годы. Маргинализация населения — не случайность, а результат работы ключевых институтов, а также продукт социальных отношений, связанных с перераспределением власти в экономике. Все это способствовало формированию в структуре экономических отношений глубокого разделения на «вовлеченных» и «исключенных» / «своих» и «чужих». Данное разделение было закреплено нормальным функционированием этих институтов и «рациональными» решениями, принятыми отдельными стейкхолдерами и социальными акторами.

Во-вторых, описанные процессы социальной исключенности и маргинализации не являются результатом одной только расовой дискриминации. Апартеид и сегрегация служили определенным экономическим целям, определяли пути осуществления этих целей и играли ключевую роль в распределении результатов производства среди различных групп южноафриканского населения. Однако институционализированная расовая дискриминация — лишь один из аспектов в высокой степени неравных, неблагоприятных и зачастую жестоко навязываемых отношений экономической власти, которые структурировали распределение возможностей и рисков в экономике.

В-третьих, данные черты южноафриканского общества непросто изменить. Устройство институтов и социальные отношения, описанные выше, в высокой степе-

ни инертны и защищены присутствием интересов различных стейкхолдеров. Зависимость от предшествующего пути развития означает, что большинство мер, которые могут применяться для решения аналогичных проблем в других развивающихся странах и странах со средним уровнем доходов, в случае ЮАР неактуальны. Значительную роль играет, однако, и неспособность осуществить запланированные меры.

Социальная и экономическая политика после апартеида

В течение как минимум десяти лет после падения режима апартеида экономическая и социальная политика обходили стороной решение коренных структурных проблем бедности. Подходы к искоренению бедности и проведению экономической трансформации сводились к реализации концепции «просачивания благ сверху вниз», которая описывает бедность как наследие низкого уровня развития и нерациональных рыночных искажений, которые могут быть устранены посредством устойчивого экономического роста. Согласно этому подходу, борьба с бедностью основывается, во-первых, на содействии рынку посредством создания рабочих мест, во-вторых, на инвестировании в производительность и конкурентоспособность южноафриканской рабочей силы [58] и, в-третьих, на создании «мостов» и «лестниц», которые позволили бы выйти на рынок новым чернокожим предпринимателям и фермерам [56]. Меры, которые позволили бы неопытным, недостаточно обеспеченным ресурсами и уязвимым экономическим акторам конкурировать в столь неравных условиях, не были, однако, продуманы в должной мере, тогда как модернизация, либерализация и глобальная финансовая интеграция рассматривались как достаточные условия для высвобождения экономического потенциала, сдерживаемого политикой апартеида. Этого не произошло. Напротив, крупный бизнес укрепил собственные позиции. Меры, принимаемые государством, как правило, либо не решали существующих проблем, либо усугубляли процессы маргинализации безземельного и безработного населения.

Таким образом, меры макроэкономической и индустриальной политики поощряли капиталоемкий и подчас даже расточительный с точки зрения трудовых ресурсов путь развития. Исходным посылом, очевидно, являлось предположение, согласно которому то, что хорошо для крупного бизнеса, хорошо для страны в целом. Крупная капиталоемкая промышленность получала значительные скрытые субсидии в форме скидок на энергоресурсы [12], в то время как значительные средства были сконцентрированы на осуществлении известных, престижных, но не требующих привлечения большого количества трудовых ресурсов проектов, таких как алюминиевые заводы (или футбольные стадионы!). Политика в области трудовых и производственных отношений была направлена на обеспечение интересов крупных промышленных предприятий и профсоюзов, но не защищала маргинальные слои населения, трудящихся на договорной основе или людей, занятых в неформальном секторе экономики, а также предоставляла недостаточно послаблений небольшим предприятиям, не справляющимся с расходами на приведение своей деятельности в соответствие с требованиями законодательства [38, 64, 72, 85]. Строительство городского жилья и меры в области развития были нацелены на создание возможностей приобретения жилья в городах. Зачастую эти возможности требовали большого объема средств и, кроме того, не были доступны для большинства малообеспеченных горожан [21]. Несмотря на то что было сказано много слов о важности неформального сектора, меры по поддержке малых и средних предприятий фокусировались на размере и формализованности предприятий [69]. Действительно, отношение органов городского управления к предприятиям не-

формального сектора в торговле было противоречивым. В ряде случаев они оказывали этим фирмам поддержку, а иногда рассматривали их как угрозу [79].

В то же время модели управления природными ресурсами отдавали предпочтение интересам корпораций, а не малообеспеченных слоев населения, которые зависят от потребления ресурсов, например, лесных и водных [30, 55, 77, 84]. Политика в области развития сельской местности в целом была сконцентрирована либо на роли сельского хозяйства в экономическом развитии и продовольственной безопасности населения, без внимания к многофункциональному и смешанному характеру сельской жизни, либо на предоставлении местному населению благ, характерных для горожан [35]. Сельскохозяйственная политика была преимущественно направлена на поддержку крупных, капиталоемких фермерских хозяйств, носящих отчасти промышленный характер. Это означало, что земельная реформа осуществлялась в отсутствие последовательного подхода к реализации мер поддержки и доступа на рынок мелких фермерских хозяйств [3]. В итоге все описанные государственные меры были направлены на обеспечение интересов «включенных» групп, т. е. тех, кто уже обладал властью и ресурсами в системе южноафриканской формальной экономики, в то же время повышая барьеры входа для «исключенного» населения.

Помимо вышеописанных мер, которые фактически были нацелены на борьбу с бедностью путем открытия экономики, раскрывая потенциал рынков и создавая экономические возможности, имели место также существенные вложения в предоставление общественных благ и услуг малообеспеченным и уязвимым слоям населения. Структура государственных расходов после падения режима апартеида, таким образом, характеризовалась значительным объемом социальных затрат. Крупнейшими статьями расходов социального бюджета были образование и здравоохранение, однако наиболее эффективным шагом в борьбе с бедностью стало исключение расового аспекта из государственной системы социальной защиты. С 1990-х годов расходы на предоставление социальных субсидий значительно возросли — почти на 20% в 2001–2007 гг. В 2009–2010 гг. расходы на социальное обеспечение составляли 73 млрд рандов (5,94 млрд долл. США), или около 3% ВВП — необычайно много для страны со средним уровнем доходов [60].

Тем не менее эти меры имели ряд существенных недостатков. Несмотря на существенные объемы социальных расходов, с учетом возможностей стран со средним уровнем доходов в период после «вашингтонского консенсуса», социальная политика может быть охарактеризована с использованием термина «прогрессивистский уклон» Ф. Баркье и Дж. Фергюсона [8, 32]. Меры, регулирующие порядок переводов наличных средств, социальное страхование и пенсионное обеспечение, были разработаны с учетом предпосылок полной занятости, а также того, что даже в обществе, для которого характерно перераспределение ресурсов, доступ к социальным льготам должен быть в первую очередь основан на центральной роли независимого, самостоятельного, трудоустроенного и трудоспособного работника. В условиях существующей сегментации населения слишком молодые, больные или пожилые люди могут иметь доступ к распределенным ресурсам, однако трудоспособные люди его не имеют. Тот факт, что принятые предпосылки неверны, и значительная часть трудоспособного населения не может устроиться на работу, показывает, что социальная политика властей в период после падения режима апартеида имеет ряд существенных недостатков. Важным представляется то, что «социальный кластер» департаментов правительства ЮАР может решать лишь проблемы, ставшие результатом предшествующего пути «исключающего» роста. Ключевые экономические процессы и направления развития, определившие устойчивую бедность, находятся вне сферы их компетенции. Политика по борьбе с бедностью

в ЮАР не включает последовательных усилий по ее сокращению и искоренению, а в лучшем случае лишь по управлению этими процессами [27].

Выводы из анализа

В результате процессы «деаграризации при сокращении количества рабочих мест» и «неблагоприятной социальной интеграции» были продолжены. Дерегуляция в области сельского хозяйства создала сложные условия для коммерческого фермерства. Это значительно препятствовало проведению земельной реформы — большинство проектов были оценены как провальные. На коммерческих фермах, принадлежащих белым, неопределенность относительно проведения земельной реформы и растущего влияния супермаркетов подстегнула процесс концентрации. К 2005 г. число коммерческих ферм сократилось с 60 тыс. до менее чем 45 тыс. Занятость в сфере коммерческого сельского хозяйства сократилась почти в 2 раза. Выселение и потеря работы привели к тому, что больше чернокожих южноафриканцев потеряли права собственности на землю в период с 1994 г., чем приобрели их в результате земельной реформы.

Продолжение тенденций по снижению занятости и нарастающая уязвимость сельских жителей не были компенсированы улучшением условий жизни людей, занятых в других секторах экономики. Экономический рост сопровождался созданием рабочих мест, однако преимущественно в низкооплачиваемом секторе услуг (например, в охранных предприятиях) или в требующем наличия высокой квалификации секторе финансовых услуг. В результате южноафриканский рынок труда характеризуется как хроническим недостатком квалифицированной рабочей силы, так и избытком трудовых ресурсов. Несмотря на то, что было создано определенное количество рабочих мест, значительно увеличилась и доля работоспособных граждан. Таким образом, безработица в широком смысле (включая людей, прекративших поиски работы) увеличилась с 31% до 42% в 2002 г. и в настоящее время закрепились на уровне 35%. Немаловажно, что недостаток спроса на трудовые ресурсы в формальном секторе экономики не повлек за собой соответствующего роста занятости в неформальном секторе. В сочетании с сохраняющимися условиями пространственной экономики времен апартеида, закрепившими положение сельских поселений и городских трущоб как отдаленных «ловушек бедности», выход крупных предприятий, работающих в сфере услуг и розничной торговли, на рынки катастрофически сказался на малом бизнесе и чернокожих предпринимателях, которые не только были вытеснены из экономических центров страны на менее прибыльные рынки, но и были вынуждены конкурировать на этих рынках с такими предприятиями, как “Shoprite”, “Pep Stores” и “SABMiller”. В результате занятость в неформальном секторе была необычайно низка для страны с таким высоким показателем безработицы в формальном секторе, принося доход менее чем 2 млн человек и составляя менее 5% ВВП [48].

Как видно, предпосылки для формирования модели сбалансированного, не дискриминационного роста, ориентированного на малообеспеченные группы граждан, не сформировались. В 1995–2000 гг. южноафриканская экономика развивалась с негативным уклоном по отношению к бедным гражданам. Затраты беднейших домохозяйств на душу населения снижались, а абсолютное число малообеспеченных людей росло [37]. В период с 2000 г. по 2005 г. в ЮАР произошло небольшое снижение числа бедных и небольшое повышение их доходов, вероятно, в результате значительного увеличения социальных выплат [88]. Проблема бедности среди «цветного» населения оставалась крайне острой, а доля бедного населения в сельской местности возросла [46]. Наиболее значимой тенденцией оставался процесс распределения доходов. ЮАР — государство

с одним из наиболее высоких показателей неравенства: с 1993 г. по 2008 г. коэффициент Джини вырос с 0,66 до 0,70.

Наиболее важным аспектом неравенства, однако, является то, каким образом оно соотносится со структурой южноафриканского общества. Как отмечали Сикинз и Наттрасс, расовая принадлежность более не является формальной основой неравенства. В настоящее время последнее тесно связано с принадлежностью к социальному классу. Авторы подсчитали, что большая часть доходов и собственности приходится на долю небольшой привилегированной группы городских жителей, составляющей 12% домохозяйств и получающей 45% денежных доходов, в то время как бедность сконцентрирована в обширной группе малообеспеченных, безземельных и безработных горожан и сельских жителей, составляющей 41% домохозяйств и получающей 10% доходов. Они утверждают, что данная группа, вероятнее всего, так и останется бедной: недостаток доступа к социальным структурам, отсутствие навыков и издержки поиска трудоустройства составляют структурный барьер на пути к получению более оплачиваемой работы и, как следствие, социальной мобильности.

Пересматривая политику роста

Противоречия и трения между приверженностью правящей партии целям искоренения бедности и сохранением глубокого структурного неравенства и процессов маргинализации населения являются причиной напряженности во внутренней политике ЮАР. Совершенно очевидно, что неспособность режима Мбеки сократить хроническую бедность сыграла важную роль в формировании скрытого недовольства и требований возвращения к традиционной политике Африканского национального конгресса [52]. Неспособность правительства Зумы решить те же задачи, несомненно, подпитывает аналогичные тенденции внутри альянса, который привел его к власти.

В настоящее время мотивы, которые определяют основные направления социальной и экономической политики ЮАР с 1994 г., все больше подвергаются сомнению. Альтернативные последовательные меры, однако, не осуществляются. Этот процесс был начат еще до прихода к власти Зумы, а именно в 2003 г., когда бывший президент страны Мбеки озвучил тезис о «двух экономиках». Данное событие ознаменовало отход от концепции «просачивания благ сверху вниз» предыдущего десятилетия. Несмотря на то, что анализ Мбеки носил достаточно ограниченный характер и не рассматривал негативное влияние глобально интегрированного сектора южноафриканской экономики на маргинализацию части населения страны, он способствовал началу более обстоятельной дискуссии о структурных особенностях неравенства. Это, в свою очередь, создало условия для обсуждения данного вопроса в более конструктивном русле. Особую важность в этой связи имела разработка Программы общественных работ (Community Work Program), которая, в случае внедрения, установила бы эффективную схему гарантий трудоустройства, амбициозный план страхования здоровья и, что представляется наиболее важным, «новый путь роста» (“new growth path”), сформулированный группой экономистов и политиков левого толка из департамента экономического развития. Этот план отчетливо высвечивает проблемы, характерные для ключевых секторов экономики, и ищет пути обеспечения экономического роста при создании рабочих мест в требуемых отраслях экономики [61]. Эти изменения важны: по прошествии почти двадцати лет лица, принимающие решения в области экономики, кажется, начинают задавать правильные вопросы. Однако задавать правильные вопросы отнюдь не то же самое, что иметь убедительные и реализуемые ответы.

Дискуссия

Опираясь на приведенные выше примеры, можно выделить четыре основных фактора, определяющих ключевые черты роста стран — членов БРИКС. Рассмотрим их далее подробно.

Доступ к активам: получение профессиональных навыков и участие в экономической деятельности, доступ к земельным ресурсам для аграрных обществ

Принимая во внимание изложенные примеры, следует отметить, что важнейшую роль в достижении сбалансированного роста играет доступ к активам, прежде всего профессиональным навыкам, которые дают населению возможность участвовать в деятельности, приносящей доход. В аграрных обществах первостепенное значение имеет доступ к земле.

Подходы Китая и ЮАР к проблеме предоставления населению доступа к активам резко различаются как в отношении человеческого капитала, так и в отношении земли. В Китае экономический рост после 1978 г. можно объяснить тем, что жителям страны был предоставлен относительно справедливый доступ к ресурсам, в особенности к услугам систем здравоохранения и образования; помимо этого, важную роль сыграли инвестиции в сельскохозяйственную инфраструктуру, которая была создана в период коллективного ведения хозяйства до 1978 г. Действительно, стимулирование инвестиций в человеческий капитал и сельскохозяйственную инфраструктуру в период до 1978 г. привело к созданию относительно хорошей системы образования и здравоохранения и формированию инфраструктуры сельскохозяйственной отрасли. По мнению Люю, несмотря на то, что рабочая сила, возможно, не всегда была хорошо образована и не всегда обладала необходимыми навыками, повышение уровня образования, а также хорошее здоровье позволили рабочим быстро приобрести навыки участия в экономических отношениях, приносящих доход, и сохранять физическую выносливость для длительных рабочих смен. Кроме того, здоровый трудовой капитал и хорошая сельскохозяйственная инфраструктура позволили населению аграрных районов диверсифицировать свою деятельность (фермерскую и вне сферы сельского хозяйства) в деятельность, приносящую доход.

С другой стороны, в ЮАР распределение земли и трудового капитала происходило асимметрично, следствием чего стало движение страны по пути неравномерного роста, так как диспропорции в экономическом положении населения не были преодолены. Что касается земли, то опыт колониального прошлого, а также политика апартеида привели к беспорядку в распределении активов в экономике: например, значительное количество земель было принудительно отчуждено у фермеров негроидной расы в пользу малочисленной элиты европейской части населения. Что касается человеческого капитала, то политика Х. Фервурда в сфере образования существенно исказила распределение этого актива, а последующие попытки реформировать систему образования потерпели неудачу¹⁹.

¹⁹ Дю Туа утверждает, что неравенство в образовании является важным, однако его роль заключается в обострении и интенсификации результатов, вытекающих из: 1) капиталоинтенсивной, концентрированной и фактически интегрированной формальной экономики; 2) неравного распределения активов — результата апартеида и колонизации.

Каким же образом страны могут облегчить доступ к активам? В этом отношении показателен опыт Индии: банковские реформы 1969 г. повысили доступность кредитов, тем самым облегчив доступ населения к производственным активам. Тем не менее Индия не дала людям возможность применить свои навыки для создания доходов. В отличие от других экономик (включая Китай, Японию, Корею, Сингапур, Тайвань и Вьетнам), Индия не смогла осуществить эффективный структурный переход от сельскохозяйственного уклада к трудоинтенсивному производству. Попытка такого перехода привела к росту безработицы. Относительно небольшой сектор услуг вместе с капиталоемким производством стали стимулом экономического роста Индии, однако развитие этих секторов не приводит к интенсивному росту занятости. Политика роста страны способствовала сохранению двойной экономики, ограничивая население в использовании своих навыков и участии в приносящей доход деятельности.

В отличие от Индии, Бразилия стремилась повысить доступ населения к активам, в том числе к получению профессиональных навыков через программы условных денежных переводов, которые способствуют улучшению материнского и детского здоровья и качества образования. Создание таких активов и формализация экономики привели к тому, что люди смогли использовать свои навыки для участия в деятельности, приносящей доход.

Инвестиции в производственные активы, стимулирующие рост рабочих мест и большие возможности для населения

Особенно важными для сбалансированного роста стали инвестиции в производственные активы, способствовавшие созданию рабочих мест и больших возможностей для населения. Если Китай оказался в состоянии успешно инвестировать в такую инфраструктуру, то инвестиции в ЮАР и Индии не смогли привести к созданию рабочих мест и, напротив, усилили неравенство.

Инвестиции в Индии, как и в ЮАР, были капиталоемкими и привели к формированию двойной экономики, являющейся предпосылкой для неравномерного роста. В Индии наблюдался рост уровня производительности, но он сопровождался высоким уровнем безработицы. Инвестиции в производственные активы в Индии не способствовали созданию рабочих мест по нескольким причинам, в том числе из-за наличия препятствий развитию малых компаний, а также ограничений по стимулам для найма компаниями рабочего персонала. Основная проблема двойственности производственного сектора Индии заключается в наличии обширного, но низкопроизводительного, низкодогодного и характеризующегося низким уровнем заработной платы неформального сектора экономики, доля которого в национальном ВВП остается постоянной (т. е. этот сектор не расширяется), и параллельно существующего высокопроизводительного и высокооплачиваемого формального сектора производства, объем которого начиная с 1980-х годов постоянно расширяется. Разница в производительности и зарплатах в этих двух секторах с 1980-х годов возросла. В производственном секторе не создаются возможности для бедных людей, не увеличивается и заработная плата большинства работников. Реформы в сфере торговли усилили этот дуализм, поскольку они поддерживали не трудоинтенсивное производство, а, напротив, капиталоемкие направления. В результате сравнительное преимущество Индии в области дешевой рабочей силы не эксплуатировалось. Кроме того, несмотря на наличие интенсивного государственного инвестирования, в особенности в топливном секторе, электрогенерации и железнодорожном транспорте, до сих пор сохраняются существенные инфраструктурные препятствия.

Капиталоинтенсивный, концентрированный и вертикально интегрированный характер формальной экономики ЮАР свидетельствует о том, что инвестиции в формальный сектор создали недостаточно возможностей для участия малообеспеченного населения в экономическом росте страны, и это привело к неблагоприятной интеграции бедного населения в экономику. Среди приведенных выше кейс-стади можно обратиться к примеру пищевой отрасли. Данная отрасль характеризуется высокой степенью доминирования сельскохозяйственного бизнеса, а также оттеснением с передовых позиций или введением санкций для небольших производителей и розничных игроков через системы снабжения с целью ухудшения позиций местного неформального сектора. В результате имеет место враждебная интеграция небольших фирм в экономику, при которой продукты, предлагаемые супермаркетами, дешевле, однако любое участие в росте сельскохозяйственного сектора затруднено. Бедная часть населения может покупать более дешевые продукты питания, но возможности заработать на жизнь остаются невысокими.

Неравномерное распределение производственных инвестиций в ЮАР усугубило экономическое неравенство в обществе. В бывших бантустанах сельскохозяйственная деятельность была подорвана дефицитом инфраструктурных инвестиций, а также неудовлетворенной потребностью в земле (на каждое хозяйство приходится слишком мало земли). Поэтому большинство малообеспеченных жителей негроидной расы оказались не в состоянии содержать себя за счет сельского хозяйства. Тем временем в Китае доступ к земле стал важным источником дохода и «подушкой безопасности» для жителей сельскохозяйственных территорий. Это еще раз доказывает важность доступа к земле для аграрных сообществ.

Инвестиции, сделанные Китаем в человеческий капитал и сельскохозяйственную инфраструктуру до реформ 1978 г., способствовали созданию рабочих мест и больших возможностей для населения после вступления в силу этих реформ. Благодаря аграрным реформам были высвобождены скрытые производительные мощности, что привело к началу в Китае резкого роста сельскохозяйственного производства. Производственные мощности, ориентированные на экспорт, к настоящему моменту уже истощились. Люю призывает к использованию инвестиций для поддержки совокупного спроса в стране и улучшения распределения благ.

Пример Бразилии не дает однозначной характеристики инвестиций в производственную деятельность как ключевого фактора сбалансированного роста. Тем не менее в этом примере заметен акцент на стабилизации макроэкономического контекста для стимулирования инвестиций в производственную деятельность и создания рабочих мест в экономике.

Социальные выплаты для неработающих слоев населения

Учитывая приведенный опыт стран БРИКС, ключевым фактором сбалансированного роста являются социальные выплаты, гарантирующие минимальный доход тем, кто не может работать или не может найти работу. В Бразилии социальные выплаты были эффективны для снижения показателей неравенства, однако в ЮАР эти меры не обеспечили достижения желаемых целей. Пример Индии не позволяет однозначно оценить роль социальных выплат, в то время как опыт Китая подчеркивает ценность земли как «подстраховки».

Программы социальных выплат в Бразилии и ЮАР существенно различаются, и основные различия заключаются в принципах и допущениях, на которых они основаны. Несмотря на значительные социальные расходы в ЮАР, социальное страхование

и политика социальной поддержки основаны на принципе, согласно которому социальные субсидии распространяются только на трудоспособное занятое население при допущении предположения о полной занятости. Это исключает получение социальных выплат теми, кто еще не достиг трудоспособного возраста или, напротив, теми, кто уже вышел из него, а также теми, кто не может работать по состоянию здоровья или не может найти работу. Таким образом, программы ЮАР не распространяются на более широкие уязвимые группы населения.

Бразильский подход, напротив, не предполагает полной занятости, а социальные субсидии при этом предназначены для пожилых людей и детей (через таргетирование домохозяйств). Таким образом, его охват шире и глубже. Бразилия имеет длительную историю социальной поддержки населения. В 1930-е годы страна запустила программы социальных выплат из текущих доходов для работников формального сектора экономики. В последующие десятилетия эти программы расширились, охватив пожилых людей и неформальный сектор экономики. Были внедрены две программы для пожилых людей, не требующие взносов и гарантирующие минимальное обеспечение средствами. Затем, в 1990 – 2000-х годах эти меры также охватили большие сегменты неформального сектора экономики. Данные программы содержали в себе три ключевые инновации: 1) социальные выплаты были сосредоточены на семье (а не на том, кто зарабатывает деньги, как в ЮАР); 2) они были условными, и их условный характер был сосредоточен вокруг благополучия ребенка; и 3) они были нацелены на дополнение, а не на замену семейного дохода. Пример Бразилии демонстрирует значимый вклад социальных субсидий в снижение уровня бедности и неравенства в стране. К сожалению, ЮАР столкнулась с растущим неравенством, а снижение уровня бедности населения оказалось незначительным.

Исторически в Китае не существовало масштабных программ социальных выплат населению; взамен них местные муниципалитеты предоставляли услуги в сфере здравоохранения и образования, а социальное страхование формировалось через систему фермерских субсидий. Бесплатное здравоохранение и образование к настоящему моменту во многом оказались подорваны, а система страхования уже не является достаточной для большинства жителей страны. На момент подготовки публикации правительство Китая признало потребность в системах социального страхования, однако это признание, возможно, пришло с большим опозданием.

Сбалансированность экономического роста как приоритет политико-экономического контекста

Мотивация правительств к ускорению сбалансированного роста является для него критичной. В 1978 г. в Бразилии и Китае сбалансированность являлась одним из приоритетов. К сожалению, ЮАР, Китай после 1978 г. и Индия не рассматривали эту задачу в качестве приоритетной.

В политико-экономическом контексте Бразилии сбалансированность является приоритетом. Действительно, принципы социальной интеграции зафиксированы в Конституции, а также защищены некоторыми сдерживающими и уравнивающими мерами. Для развития социальной интеграции были внедрены масштабные программы социальной поддержки. Прозрачность и проверки ограничили распространение коррупции и прочих злоупотреблений, которые могут стать следствием внедрения этих программ. Был отдан приоритет мониторингу и оценке, в особенности это касалось достижений в области образования, что позволило создать прозрачную и контролируемую среду на всех уровнях. Наблюдается институциональная поддержка социальной

интеграции, что заметно по тому, как осуществлялась децентрализация управления в пользу штатов и муниципалитетов. Несмотря на риск усиления диспропорций, культура партнерства между тремя государственными уровнями на старте программы “Bolsa Família” способствовала ее эффективному внедрению. При увеличении масштаба программ социальных выплат и расширении политики перераспределения благ в пользу бедной части населения стало ясно, что именно акцент на социальной интеграции в политических аспектах экономических проблем обусловил внутреннюю динамику страны и, как следствие, рост низшего слоя среднего класса, сопровождавшийся сокращением бедности и неравенства.

В Индии некоторые институциональные реформы были направлены на социальную интеграцию (например, национализация банков 1969 г.). Однако прочие институциональные реформы, о которых шла речь в рассмотренных выше примерах, сдерживали сбалансированный экономический рост. Эти реформы включают ужесточение трудового законодательства, введение торгового режима, при котором капиталоемкие товары имеют преимущества по сравнению с трудоинтенсивными, а также реформы, которые сохраняют и потенциально ухудшают производственный дуализм, ограничивающий возможности создания новых рабочих мест. Правительство не продемонстрировало желания решать структурные проблемы, лежащие в основе усиления экономического неравенства в стране.

В политико-экономическом контексте Китая до 1978 г. приоритет отдавался равенству и справедливости. Тем не менее после 1978 г. Китай сосредоточил внимание на агрегированном росте. Это оказало влияние на устойчивость экономического роста в стране. Чтобы снизить растущее неравенство, а также перейти на путь устойчивого роста, Лю рекомендует облегчить доступ к активам через улучшение человеческого капитала, инвестиции в производственные активы, которые создают рабочие места для большинства, а также увеличить социальные выплаты населению, поскольку земельные активы уже не могут заменить систему социального страхования. Тем не менее Лю также подчеркивает, что устойчивость не является приоритетом среди *аппаратчиков*: очевидно, что правительство оказывает немалое сопротивление при принятии на себя обязательств по проведению долгосрочной политики снижения неравенства, например, таких как выплаты субсидий домашним хозяйствам.

В ЮАР процессы исключения и маргинализации не просто являются результатом расовой дискриминации, но и представляют собой часть более широких экономических отношений, которые неравно распределяют возможности и риски в экономике в целом и часто устанавливаются при помощи силы. После апартеида не были предприняты меры, достаточные для решения проблемы концентрации и вертикальной интеграции в формальном секторе экономики, а также проблемы неравного распределения человеческого капитала и земли. На политику в сфере бизнеса оказывал влияние размер компаний и различного рода формальные факторы. Сельскохозяйственная политика преимущественно была направлена на поддержку крупных капиталоемких моделей ведения фермерского хозяйства в промышленных масштабах. На основе проведенного анализа странового опыта автор приходит к выводу, что политика после апартеида защищала и продвигала интересы властной верхушки, сдерживавшей развитие возможностей достижения более высокого уровня жизни для бедной части населения страны. Автор предостерегает, что драйверы маргинализации и несбалансированности представляют собой структурные и труднорешаемые проблемы. При этом институциональное устройство и социальные отношения очень инертны и защищены заинтересованными властными группами.

Эти выводы сделаны на основе представленного здесь странового опыта. Для подтверждения приведенных выводов необходимо провести дополнительный анализ и межстрановые сопоставления.

Выводы из анализа

Проведенный анализ позволил изучить опыт четырех стран БРИКС в достижении сбалансированного экономического роста. Авторы доклада подчеркивают, что стремление к росту и сбалансированности возможно, но не всегда достижимо. Для достижения лучшего понимания ключевых факторов, способствующих и препятствующих сбалансированному экономическому росту, было проведено сравнение опыта четырех стран и выделены четыре фактора, играющие определяющую роль в экономическом росте стран БРИКС. К этим факторам относятся:

- 1) доступ к активам: получение профессиональных навыков и участие в экономической деятельности и доступ к земельным ресурсам для аграрных обществ;
- 2) инвестиции в производственные активы, стимулирующие рост рабочих мест и большие возможности для населения;
- 3) социальные выплаты для неработающих слоев населения;
- 4) приоритизация сбалансированности экономического роста в политико-экономическом контексте страны.

Присутствие на национальном уровне всех четырех факторов, как, например, в Бразилии, обеспечивает возможность снижения уровня бедности и неравенства. При отсутствии в стране какого-либо из названных факторов (например, когда в стране складывается политико-экономический контекст, в котором сбалансированность не является приоритетом, или когда социальные выплаты не гарантируют минимальный доход для тех, кто не может работать), как, например, в ЮАР, экономический рост сопровождается усилением неравенства и несбалансированности. В конце 1970-х годов Китай располагал многими из данных четырех факторов, однако к настоящему моменту ситуация изменилась: в начале 2010-х годов в Китае эти факторы практически отсутствовали, и в этом Китай стал похож на ЮАР. Индия попыталась интегрировать данные факторы в процесс своего развития, однако сделала это unsuccessfully — неравенство усилилось, а экономический рост не привел к росту занятости. Тем не менее пример Бразилии свидетельствует о том, что сбалансированный экономический рост все же возможен.

Литература

1. 15 anos de gasto social federal — notas sobre o período de 1995 a 2009 // Comunicados do Ipea 98. Brasília: IPEA (Institute for Applied Economic Research). 33 IPEA. 2011.
2. Adams M., Cousins B., Manona S. Land Tenure and Economic Development in Rural South Africa: Constraints and Opportunities // At the Crossroads: Land and Agrarian Reform in South Africa into the 21st Century / B. Cousins (ed.). Bellville: Programme for Land and Agrarian Studies, 2000.
3. Aliber M. et al. Livelihoods after Land Reform: Trajectories of Change in Limpopo, South Africa. Unpublished Research Report, 2011.
4. Alston L.J., Mueller B. Brazilian Development: This Time for Real? // CESifo Forum. 2011. No. 2 (1). P. 37–46.

5. Andrew M., Ainslie A., Shackleton C. Land Use and Livelihoods. Cape Town: PLAAS, School of Government, University of the Western Cape, 2003.
6. Athukorala P., Sen K. Saving. Investment and Growth in India. New Delhi: Oxford University Press, 2002.
7. Barbosa N. Latin America: Counter-cyclical Policy in Brazil: 2008–09 // *Journal of Globalization and Development*. 2010. No. 1 (1). P. 1–11.
8. Barchiesi F. Precarious Liberation: Workers, the State, and Contested Social Citizenship in Postapartheid South Africa. N. Y.: SUNY Press, 2011.
9. Bernstein H. Changing before Our Very Eyes: Agrarian Questions and the Politics of Land in Capitalism today // *Journal of Agrarian Change*. 2004. No. 4 (1–2). P. 190–122.
10. Bird K., Higgins K. Stopping the Intergenerational Transmission of Poverty: Research Highlights and Policy Recommendations. Working Paper 214. 2011. Manchester: CPRC.
11. Bosworth B., Collins S. Accounting for Growth: Comparing China and India // *Journal of Economic Perspectives*. 2008. No. 22 (1). P. 45–66.
12. Black A. Tilting the Playing Field: Labour-absorbing Growth and the Role of Industrial Policy. Cape Town: Centre for Social Science Research, University of Cape Town, 2010.
13. Bracking S. The Political Economy of Chronic Poverty. 2003. SSRN eLibrary. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1754446 (date of access: 06.07.2011).
14. Bryceson D.F., Jamal V. Farewell to Farms: De-agrarianisation and Employment in Africa. Aldershot: Ashgate, 1997.
15. Cai F. The Lewis Turning Point in Chinese Economic Development // *Xueshu Dongtai*. 2007. No. 3.
16. Caselli G., Meslé F., Vallin J. Epidemiologic transition theory exceptions // *Genus*. 2002. No. 58. P. 9–52.
17. Chabane N. et al. 10-year Review: Industrial Structure and Competition Policy // School of Economic and Business Sciences, University of the Witwatersrand, 2003.
18. Christopher A.J. The Atlas of Apartheid. L.: Routledge, 1994.
19. Cramer C. Inequality and Conflict: A Review of an Age-old Concern'. Identities, Conflict and Cohesion Programme. 2005. Paper 11.
20. Crime and Development in Africa // United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna: UNODC, 2005.
21. Cross C. Housing Delivery as Anti-poverty: Is South Africa on the Right Track? // South African Housing Foundation International Conference and Exhibition. Cape Town, 12–15 October 2008.
22. D'Haese M., Van Huylenbroeck G. The Rise of Supermarkets and Changing Expenditure Patterns of the Poor Rural Households. Case Study in the Transkei Area, South Africa // *Food Policy*. 2005. No. 30. P. 97–113.
23. Dasgupta P. Nutritional Status, The Capacity for Work, and Poverty Traps // *Journal of Econometrics*. 1997. No. 77 (1). P. 5–37.
24. Deaton A., Dréze J. Nutrition in India: Facts and Interpretation. Princeton, NJ: Center for Health and Wellbeing, Princeton University, 2008.
25. Downes D. Crime and Inequality: Current Issues in Research and Public Debate. Introduction // *The British Criminology Conferences: Selected Proceedings*. Vol. 1: Emerging Themes in Criminology. 1998.

26. Du Toit A., Neves D. In Search of South Africa's Second Economy: Chronic Poverty, Economic Marginalisation and Adverse Incorporation. Manchester: CPRC. 2007. No. 34.
27. Du Toit A. Nasruddin's Key: Poverty Measurement and the Government of Marginal Populations. Conference on Marginality and Extreme Poverty: Towards Inclusive Development for and with the Poorest. Bonn, 20–22 June 2011.
28. Du Toit A. The Government of Poverty and the Arts of Survival: De-agrarianization, "Surplus Population" and Social Policy in South Africa. ICAS-LDPI Workshop / Colloquium on Agrarian Transformation and Surplus Population in the Global South: Revisiting Agrarian Questions of Labour. The Hague. 03.05.2011.
29. Educational Atlas of China // PRC National Center for Education Development Research. Shanghai: Shanghai Scientific and Technical Publishers, 1995.
30. Fabricius C. Rights, Resources and Rural Development: Community-based Natural Resource Management in Southern Africa. L.: Earthscan, 2004.
31. Fajnzylber P., Lederman D., Loayza N. Inequality and Violent Crime // Journal of Law and Economics. 2002. No. 45 (1). P. 1–40.
32. Ferguson J. Distributive Labor and Survivalist Improvisation: Productionist Thinking and the Misrecognition of the Urban Poor. Conference on the Poverty Challenge 2007: Poverty and Poverty Reduction in South Africa, India, and Brazil. Durban. 26–29.07.2007.
33. Fine B., Rustomjee Z. The Political Economy of South Africa: From Minerals-energy Complex to Industrialisation. L.: C. Hurst & Co. Publishers, 1996.
34. Haggard S. Lessons from Successful Reformers: Korea and Taiwan // Economic Reform Today. 1996. No. 2. P. 15–22.
35. Hall R. A Fresh Start for Rural Development and Agrarian Reform? Bellville: Institute for Poverty, Land and Agrarian Studies, University of the Western Cape, 2009.
36. Harrison P., Todes A., Watson V. Planning and Transformation: Learning from the Post-Apartheid Experience. L.: Taylor & Francis, 2008.
37. Hoogeveen J.G., Özler B. Not Separate, Not Equal: Poverty and Inequality in Post-Apartheid South Africa. Working Paper. Ann Arbor, MI: William Davidson Institute, University of Michigan, 2005.
38. Godfrey S., Maree J., Theron J. Conditions of Employment and Small Business: Coverage, Compliance and Exemptions. Cape Town: DPRU, 2006.
39. Goldman C.A., Kumar K.B., Liu Y. Education and the Asian Surge: A Comparison of the Education Systems in India and China. Occasional Paper. RAND, 2008.
40. Greenberg S. Contesting the Food System in South Africa: Issues and Opportunities, Bellville: Institute for Poverty, Land and Agrarian Studies, University of the Western Cape, 2010.
41. Gyimah-Brempong K. Corruption, Economic Growth, and Income Inequality in Africa // Economics of Governance. 2002. No. 3 (3). P. 183–209.
42. Jaccoud L., Hadjab P.D., Chaibub J.R. The Consolidation of Social Assistance in Brazil and Its Challenges, 1988–2008. Working Paper 76. Brasilia: International Policy Centre for Inclusive Growth, 2010.
43. Kraay A., Dollar D. Growth is Good for the Poor. Washington, DC: World Bank, 2001.
44. Krueger A. Trade Policy and Economic Development: What Have We Learned? // American Economic Review. 1997. No. 87 (1). P. 1–22.
45. Lahiff E., Cousins B. Smallholder Agriculture and Land Reform in South Africa // IDS Bulletin. 2005. No. 36 (2). P. 127–131.

46. Leibbrandt M. et al. Trends in South African Income Distribution and Poverty since the Fall of Apartheid. Paris: OECD, 2010.
47. Li S., Lu C. A Re-estimation of the Chinese Urban–rural Income Gap // *Journal of Peking University (Social Science Edition)*. 2007. No. 2.
48. Ligthelm A.A. Measuring the Size of the Informal Sector in South Africa 2004/5. Pretoria: Bureau of Market Research, University of Pretoria, 2005.
49. Liu M. Work Incentives on China's Communes: A Dichotomy // *Journal of International Trade and Economic Development*. 1994. No. 3 (2). P. 103–128.
50. Liu M., Wu Z., Liu T.G. Farmland Consolidation in Mainland China and Taiwan: Impacts and Implementation. Report submitted to ESRMU, DFID. 1998.
51. Liu M., Xu L., Liu L. Foreign Direct Investment and Labor Reforms: Some Evidence from Guangdong Province in China // *China as a World Workshop* / K. Zhang (ed.). L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006.
52. Marais H. South Africa Pushed to the Limit: The Political Economy of Change. L.: Zed Books, 2011.
53. Mather C. The Growth Challenges of Small and Medium Enterprises (SMEs) in South Africa's Food Processing Complex // *Development Southern Africa*. 2005. No. 2 (5). P. 607–622.
54. May J. The Structure and Composition of Rural Poverty and Livelihoods in South Africa // *At the Crossroads: Land and Agrarian Reform in South Africa into the 21st Century* / B. Cousins (ed.) Bellville: Programme for Land and Agrarian Studies, 2000.
55. Mayers J., Evans J., Foy T. Raising the Stakes: Impacts of Privatisation, Certification and Partnerships in South African Forestry. L.: IIED, 2001.
56. McCord A. A Critical Evaluation of Training within the South African National Public Works Programme // *Journal of Vocational Education and Training*. 2005. No. 57 (4). P. 565–588.
57. Morris M.L. The Development of Capitalism in South African Agriculture: Class Struggle in the Countryside // *The Articulation of Modes of Production: Essays from Economy and Society* / H. Wolpe (ed.). L.: Routledge & Kegan Paul, 1980.
58. Nattrass N. High Productivity Now: A Critical Review of South Africa's Growth Strategy // *Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa*. 2001. No. 45. P. 1–24.
59. Neri M. Os emergentes dos emergentes: reflexes globais e ações locais para a nova classe média Brasileira. Rio de Janeiro: CPS/FGV, 2011.
60. Neves D. et al. The Use and Effectiveness of Social Grants in South Africa. Finmark Trust, 2009.
61. The New Growth Path: The Framework. Pretoria: Economic Development Department, 2010.
62. Perkins D.H., Syrquin M. Large Countries: The Influence of Size // *Handbook in Development Economics* / H. Chenery, T.N. Srinivasan (eds). Vol. 2. Amsterdam: Elsevier, 1989.
63. Philip K. Inequality and Economic Marginalisation: How the Structure of the Economy Impacts on Opportunities on the Margin // *Law, Democracy and Development*. 2010. No. 14 (3). P. 1–28.
64. Rankin N. The Regulatory Environment and SMMEs. Evidence from South African Firm Level Data. Cape Town: DPRU, 2006.
65. Ravallion M. Pro-Poor Growth: a Primer. Washington, DC: World Bank, Development Research Group. 2004.
66. Ravallion M., Chen S. China's (Uneven) Progress against Poverty // *Journal of Development Economics*. 2007. No. 82 (1). P. 1–42.

67. Ravallion M., Chen S., Sangraula P. New Evidence on the Urbanization of Global Poverty // *Population and Development Review*. 2007. No. 33 (4). P. 667–701.
68. Rodrik D., Subramanian A. From Hindu Growth to Productivity Surge: The Myth of the Indian Growth Transition. Working Paper W10376. Cambridge, MA: NBER, 2004.
69. Rogerson C. The Impact of the South African Government's SMME Programme: A Tenyear Review (1994–2003) // *Development Southern Africa*. 2004. No. 21 (5). P. 775–784.
70. Rozelle S. China's 12th 5-year Plan Challenge: Building a Foundation for Long-term, Innovation-based Growth and Equity. International Seminar on China's 12th Five-year Plan. Beijing. 19.01.2010.
71. Santos C.H.M. Contribuição da DIMAC para o texto/diagnostico inicial da equipe do IPEA encarregada de contribuir para o PPA 2012/2015. Mimeo, 2011.
72. Seekings J., Nattrass N. Class, Race, and Inequality in South Africa. Hartford, CT: Yale University Press, 2005.
73. Sen K. Why Did the Elephant Start to Trot? India's Growth Acceleration Re-Examined // *Economic and Political Weekly*. 2007. No. 43. P. 37–49.
74. Sen K. Trade Policy, Inequality, and Performance in Indian Manufacturing. *Advances in South Asian Studies*. L.: Routledge, 2008.
75. Sen K. What a Long, Strange Trip It's Been: Reflections on the Causes of India's Growth Miracle // *Contemporary South Asia*. 2009. No. 17 (4). P. 363–377.
76. Sen K., Vaidya R.R. The Process of Financial Liberalization in India. Oxford: Oxford University Press, 1997.
77. Shackleton S. et al. Devolution and Community-based Natural Resource Management: Creating Space for Local People to Participate and Benefit? // *ODI Natural Resource Perspectives*. 2002. No. 76.
78. Shepherd A. Achieving the MDGs: The Fundamentals – Success or Failure Will Be Determined by Underlying Issues. Briefing Paper 43. L.: ODI, 2008.
79. Skinner C. Challenging City Imaginaries: Street Traders' Struggles in Warwick Junction // *Agenda*. 2009. No. 23 (81). P. 101–109.
80. Smith D.M. The Apartheid City and Beyond: Urbanization and Social Change in South Africa. L.: Routledge, 1992.
81. Soares S., Ferreira de Souza P.H.G., Osório R.G., Silveira F.G. Os impactos do benefício do programa Bolsa Família sobre a desigualdade e a pobreza // *Bolsa Família 2003–2010: Avanços e desafios* / J.A. Castro, L. Modesto (eds.). Brasília: IPEA, 2010.
82. Stewart F. Horizontal Inequalities: A Neglected Dimension of Development. Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity. Working Paper 1. Oxford: CRISE, 2001.
83. Stiglitz J., Bougrov A. et al. Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. UN Conference on the World Financial and Economic Crisis and its Impact. N. Y.: UN, 2009.
84. Sunde J., Isaacs M. Marine Conservation and Coastal Communities: Who Carries the Costs? A Study of Marine Protected Areas and Their Impact on Traditional Small-scale Fishing Communities in South Africa. Chennai: International Collective in Support of Fishworkers. 2008.
85. Theron J. Informalization from Above, Informalization from Below: The Options for Organization // *African Studies Quarterly*. 2010. No. 11 (2–3). P. 87–105.
86. Tsikata D., Seini W. Identities, Inequalities and Conflicts in Ghana'. Working Paper 5. Oxford: CRISE, 2004.

87. Unleashing Rivalry: Ten Years of Enforcement by the South African Competition Authorities // Competition Commission and Competition Pretoria: Competition Commission and Competition Tribunal, 2009.
88. Van der Berg S. et al. Trends in Poverty and Inequality since the Political Transition. Cape Town: DPRU, 2006.
89. Vandemoortele M., Bird K. Viet Nam: Rapidly Rising to Riches: An Unorthodox Example of Progress in Economic Growth, Poverty Reduction, but with Rising Inequality. Case Study produced for the Bill and Melinda Gates Foundation. L.: ODI, 2010.
90. Vandemoortele M., Bird K. Progress in Economic Conditions: Mauritius. Stellar Success against the Odds. Case Study produced for the Bill and Melinda Gates Foundation. L.: ODI, 2010.
91. Vandemoortele M., Bird K. Progress in Economic Conditions: Malawi. A New Example of Economic Growth, Poverty Reduction and Improvements in Equity. Case Study produced for the Bill and Melinda Gates Foundation. L.: ODI, 2010.
92. Violence: Inequality and Violent Crime // The Equality Trust Research Digest. 2011. No. 1. P. 1–5.
93. Wiggins S., Higgins K. Pro-poor growth and development // ODI Briefing Paper. 2008. No. 33.
94. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies almost Always Do Better. L.: Allen Lane, 2009.
95. White Paper on National Transport Policy. Department of Transport Pretoria: Department of Transport, 1996.
96. Zhuang J., de Dios E., Lagman-Martin A. Governance and Institutional Quality and the Links with Economic Growth and Income Inequality: With Special Reference to Developing Asia // ADB Economics Working Paper. 2012. No. 193.